Цена 15 коп. 23-1-14 Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 8. Озеро в Швеции. 13. Французская народная революционная песня-пляска. 14. Поэма А. Блока. 15. Система мелких заливов в Крыму. 16. Пирожок с открытой начинкой. 17. Субтропическое дерево семейства масличных. 20. Громкоговоритель. 23. Лирическое музыкальное произведение. 24. Легкая шерстяная ткань. 25. Порода охотничьих собак. 26. Промежуток времени. 27. Прежнее название государства Бенин. 28. Бальный танец. 30. Памятник-музей В. И. Ленина в Разливе. 32. Гриб. 34. Сегмент. 35. Круглая постройка с колоннами и куполом. 40. Русский живописец. 41. Героиня трагедии Шекспира. 42. Хищный пушной зверек. 45. Сплетенные в виде вензеля начальные буквы имени, фамилии. 46. Именная ценная бумага. 47. Химический элемент. 48. Болотная ягода.

По вертикали: 1. Ценный поделочный камень. 2. Раздел языкознания. 3. Научно-популярный журнал. 4. Рыба семейства карповых. 5. Отдел учреждения. 6. Монета некоторых латиноамериканских стран. 9. Специалист, изучающий растения. 10. Трагедия Гете. 11. Письменное поздравление по случаю юбилея. 12. Железнодорожное сигнальное устройство. 18. Созвездие Северного полушария. 19. Советский космонавт. 21. Овощ. 22. Певчая птичка. 23. Геодезический инструмент. 29. Наука о строении и развитии космических тел. 31. Советский писатель, литературовед. 32. Курорт в Грузии. 33. Связь, взаимодействие. 36. Инструмент альпиниста. 37. Приток Лены. 38. Музыкальный знак. 39. Смычковый музыкальный инструмент. 43. Старинная мера длины в России. 44. Время года.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

3•89 Общественно-политический ежемесячник

26 марта — выборы народных депутатов СССР

Вячеслав Басков: НАДО ЛИ МАТЕМАТИКАМ УЧИТЬСЯ ИГРАТЬ НА БАЯНЕ?

Игорь Бестужев-Лада: ЧТО ТАКОЕ «РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ»?

Александр Смирнов: **ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА — ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ...**

Публицистика *Лидии* ЧУКОВСКОЙ

Раиса Орлова о Фазиле ИСКАНДЕРЕ

Живопись *Михаила* ***РОМАДИНА***

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Признаюсь: хотя мне почти тридцать, участвовать в выборах я буду впервые. Просто раньше это «важнейшее конституционное право» ничуть меня не волновало. Зачем идти голосовать, когда «своего» кандидата ты в глаза не видел! Да и что это за выборы — без выбора! Одно время, правда, чувствовал что-то вроде вины перед агитаторами: ведь они должны отчитываться за стопроцентную явку избирателей, а потом увидел: нужные 100 они «делают» и без меня...

Что заставило меня изменить отношение к выборам!..

Кандидатуры выдвигал наш институт. Не пресловутую «единицу» спустили сверху — дескать, одобрите для формальности, а решали сами: сколько и кого. Поначалу мы впали в крайность: выдвинули больше десятка — всех начальников, всех заслуженных... Люди хорошие, почему бы нет! Однако когда дело дошло до разговора по большому счету — о предвыборных программах, о позиции, о политическом лице возможных кандидатов,— обнаружилось, что большинство из них тянут не более чем на депутатство в райсовете, да и то с трудом. Политические платформы свелись исключительно к повышению производительности труда в своей лаборатории (в лучшем случае — в институте в целом), к улучшению работы столовой, шефству над районной станцией юного техника и т. п.

В результате обсуждения остались лишь двое. Один — потому, что начальство за него горой. Из бывших комсомольских функционеров, говорит «как пишет», каждое второе слово — «надо», «сознательность», «как указывал...», «как говорил...». А вот о том, что его отдел работает над темой, которую двадцать лет как надо было выбросить в корзину,— ни слова, вроде бы детали...

Второй — наш: Мужик с головой стóящей. Знаете, из тех, что всегда гребут против течения, органически не переносят демагогии, неталантливости, чиновного хамства. Которые делают дело, но понимают его, это дело, не от сих и до сих, в рамках служебных обязанностей, а как нечто большее — дело жизни, что ли, видят его в контексте большого Дела.

Словом, голоса разделились. Бушевала настоящая баталия. И знаете, именно «детали» — что человек делает, как понимает свое место в перестройке, умение его видеть широко, перспективно мыслить — и решили всё. Я впервые почувствовал, как много я, мое мнение стоят. Мое лично. Потому что перевес был буквально в несколько голосов. И то, что м о й кандидат остался в списке и получил возможность продолжать борьбу — моя победа.

Не думаю, что нынешняя избирательная кампания и предстоящие выборы станут чем-то образцовым, и на съезд народных депутатов Союза попадут только люди перестройки. Мы еще учимся, мы многого не умеем. А бюрократия сильна по-прежнему и найдет тысячи способов протащить своих. Но если будет десять, двадцать, сто действительно н а р о д н ы х — уже хлеб...

Во всяком случае, идя 26 марта к избирательным урнам, каждый из нас имеет верный шанс сказать перестройке свое твердое «да».

Сергей Быстров, инженер-испытатель научно-исследовательского института, Москва

3 (460) 89 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются и не рецензируются.

Сдано в набор 23.01.89. Подписано к печати 10.03.89. Л21541. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,12. Тираж 100 000 экз. Заказ 4470. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302030800—010 / М172(03)—89 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

Перестройка: дела, проблемы, люди

Экономика и мы

Дискуссионный клуб

Открытое слово

Москва и москвичи

Литература и искусство

На вкладках и третьей стороне обложки: художник Михаил Ромадин

НЕ ЗАБЫВАТЬ О ГЛАВНОМ — О ЧЕЛОВЕКЕ

Вопросы перестройки идеологической работы занимают сейчас важное место в деятельности партийных комитетов самого разного уровня.

В начале февраля этого года в ЦК КПСС состоялось совещание заведующих идеологическими отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, ряда горкомов партии, руководителей центральных органов массовой информации, идеологических учреждений и ведомств, на котором были обсуждены актуальные проблемы идеологической работы на современном этапе перестройки. XXVII конференция Московской городской организации КПСС также значительное место в своей деятельности отвела вопросам перестройки идеологической работы в городе.

В «Горизонт» приходит много писем, в которых читатели интересуются ходом перестройки в идеологической сфере.

Наш специальный корреспондент Владимир ПЕКШЕВ встретился с первым заместителем заведующего идеологическим отделом МГК КПСС Александром СМИРНОВЫМ и попросил его ответить на некоторые, наиболее часто задаваемые вопросы.

— АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, ПРОЦЕСС ПЕРЕСТРОЙКИ, ИДУЩИЙ В СТРАНЕ, ЗАХВАТЫВАЕТ ВСЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА, В ТОМ ЧИСЛЕ И ИДЕОЛОГИЮ. ЧЕМ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СОСТОЯНИЕ ЭТОЙ СФЕРЫ В МОСКВЕ? КАКОВЫ ЗДЕСЬ ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ, НА РЕШЕНИИ КОТОРЫХ МГК КПСС, ЕГО ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ СОСРЕДОТОЧИВАЮТ СВОИ ГЛАВНЫЕ УСИЛИЯ?

— Перестройка в идеологической деятельности имеет свою логику, свои сложности и противоречия. Их накопилось за прошедшие годы немало. Под воздействием изменений в экономике, политике, социальной сфере, идеологической работе, гласности, новой информационной обстановки происходят качественные изменения в сознании москвичей. Оно все больше политизируется, постепенно освобождается от догм. У трудящихся и жителей города возникает потребность глубже разобраться в происходящих переменах, в прошлом и настоящем, возрастает неприятие пустословия.

В то же время сегодня приходится сталкиваться с сумятицей в умах людей по принципиальным вопросам, с живучими консервативными представлениями о социализме и утопическим мышлением, леворадикальной фразой, политической демагогией, националистическими вывертами.

Все это необходимо учитывать в идеологической работе. Перестраивать ее энергично в соответствии с принципиально новой ситуацией.

Процессы обновления, происходящие в нашем обществе, определили узловые проблемы идеологической деятельности партийных организаций. Среди приоритетов я выделил бы проблемы дальнейшей демократизации самой идеологической работы, утверждение принципов социалистического плюрализма, овладение культурой полемики, всемерное развитие гласности, всесторонней информированности людей. И прежде всего о ходе радикальной экономической реформы, реконструкции политической системы, противоречиях, проблемах и трудностях, с которыми сталкивается перестройка.

Для городской партийной организации актуальной является задача — объединение всех здоровых творческих сил для повышения конструктивности и созидательности в решении проблем духовной сферы жизни москвичей. Сюда следует отнести культуру, науку, образование, пропаганду.

Конечно, дальнейший прогресс идеологической работы может базироваться только на развитой теории. В этой связи отмечу ответственность московских обществоведов за создание базирующейся на ленинизме концепции современного социализма.

— ПЕРЕСТРОЙКА ОБОСТРИЛА ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ, ПОСТАВИЛА НОВЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕД ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ЛЮДЬМИ, КОТОРЫЕ, КАК МЫ ГОВОРИМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗАНИМАЮТСЯ ИДЕОЛОГИЕЙ. ВСЕГДА ЛИ ОНИ ГОТОВЫ ОТВЕТИТЬ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ?

— Я понимаю, чем вызван ваш вопрос. Действительно, до недавнего прошлого мы в идеологической работе целиком ориентировались на форму. Вспомним, как проверялось состояние этой работы в первичной партийной организации или даже в райкоме партии. Скрупулезно высчитывалось, например, сколько человек охвачено системой политической и экономической учебы, сколько лекций прочитано, сколько проведено политинформаций и по каким направлениям и т. д. Об эффективности идеологического воздействия думали мало. Количественный подход довлел над всем. Отсюда и слабость наших идеологических кадров, болезнь, которую мы и сейчас еще ощущаем. В потоке цифр, различного рода сведений, отчетов и справок мы забывали о главном — о человеке.

Ведь сколько бы мы ни говорили об идеологической работе, о ее влиянии на сознание человека, но если в коллективе не созданы, например, нормальные условия труда, если где-то, скажем, палец о палец не желают ударить, чтобы построить ясли или детский сад, то вряд ли в этом случае наши слова дойдут до человека, повлияют на его сознание.

Однако это не значит, что идеологическая работа не способна влиять на сознание. Дело в том, как ее строить, что брать за исходную клеточку в ее организации. Сегодня таким базовым основанием выступает уже не категория формы, а категория идеологической обстановки. В самом общем виде можно сказать, что под ней мы понимаем широкий комплекс факторов, влияющих на сознание человека. Здесь надо учитывать и производственные, и бытовые условия, и, конечно, социальный и духовный опыт людей.

Такое знание обстановки позволяет правильно определить приоритетные направления содержания идеологической работы, выбрать средства, методы влияния на человека. При этом хочу подчеркнуть: на смену назидательности, монологам должны прийти диалоговые формы, стимулирующие самостоятельный поиск ответов на непростые вопросы современного общественного развития. Всемерно следует отказываться от менторства, утверждать педагогику сотрудничества в организации всей нашей идеологической деятельности. На мой взгляд, именно таким путем можно добиться перехода общественного созна-

ния из состояния ожидания результатов перестройки в созидающую, конструктивную деятельность людей.

Как правило, на концептуальном уровне такой подход находит приверженцев у партийных идеологических работников. На практике же преодоление старых стереотипов идет очень сложно. Консерватизм еще дает о себе знать.

— КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОТ ЭТОТ КОНСЕРВАТИЗМ НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ОБУСЛОВЛЕН ТОЛЬКО ТЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ, ЧТО ТОТ ИЛИ ИНОЙ ЧЕЛОВЕК НЕ СУМЕЛ, КАК МЫ СЕЙЧАС ГОВОРИМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИ ПЕРЕСТРОИТЬСЯ, ИЛИ ЖЕ В ДЕЙСТВИЯХ НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ ПРОЯВЛЯЕТСЯ СОЗНАТЕЛЬНОЕ НЕПРИЯТИЕ ТАКОГО ВОТ ШИРОКОГО ВЗГЛЯДА НА ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ РАБОТУ?

— На мой взгляд, здесь целый комплекс причин. С одной стороны, это просто неумение. Неумение переложить общие принципы перестройки идеологической работы на конкретную практику. То есть это не какое-то сознательное торможение, а именно неумение работать в новых условиях. С другой стороны, я уже говорил о том, что к работе мы подходили в значительной мере формально, и это, в свою очередь, сказалось в выработке особого, я бы сказал, иждивенческого взгляда на нее. Люди привыкли: сверху приказали, внизу откликнулись. Все просто, и никакой ответственности. Вот здесь болевой узел: за годы застоя мы убили во многих партийных, идеологических работниках чувство ответственности. Всегда легче выполнить указание сверху, чем взять что-то на себя лично, проявить активность.

Ну и третий момент. Существует серьезная недооценка идеологической работы в партийных организациях, у значительной части наших руководящих кадров, в том числе и партийных. Многие из них не умеют убеждать, аргументировать, отстаивать свою позицию и потому предпочитают чисто административные меры. Вместо вдумчивого анализа реальных процессов в том или ином коллективе рука привычно тянется к телефону, чтобы спустить очередную команду...

— ТАК И ЛЕГЧЕ И УДОБНЕЙ?

— Конечно. И в этом, на мой взгляд, основная трудность перехода к новому мышлению. Здесь мне хотелось бы остановиться еще на одном принципе современного понимания идеологической работы. Он заключается в том, что у настоящего идеолога слова́ никогда не должны расходиться с делами.

Разрыв между словом и делом. Без всякого преувеличения это можно назвать трагедией всей жизни общества, в том числе идеологической. Ведь что получалось. Говорили о развитом социализме; находилась своя аргументация; печатались пухлые книги, сплошь составленные из цитат. А в жизни люди видели совершенно другое. В результате сегодня приходится преодолевать их отчуждение от политики, общественной жизни, от идеологии, во всяком случае, в ее казенно-официальных формах. Идеологический актив всегда на виду, и люди сейчас постоянно оценивают нашу работу: насколько мы искренни в своих словах, насколько честны наши поступки, можно ли нам доверять?

— НАМ — ЭТО ПАРТИЙНЫМ РАБОТНИКАМ?

— Здесь нужно смотреть шире. И партийным работникам, и широкому кругу идеологического актива, вообще всем, кто занимается пропагандой.

— АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, СТОИЛО ПАРТИИ ВЗЯТЬ КУРС НА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ, СРАЗУ ОБНАРУЖИЛОСЬ, ЧТО НАШЕ ОБЩЕСТВО, ПРЕЖДЕ КАЗАВШЕЕСЯ ТАКИМ МОНОЛИТНЫМ, ОТЛИЧАВШЕЕСЯ ЕДИНОМЫСЛИЕМ И ЕДИНОДУШИЕМ, ВДРУГ ОКАЗАЛОСЬ СОВСЕМ ИНЫМ: РАЗНОГОЛОСЫМ, ВЫЯВИЛСЯ ШИРОКИЙ ДИАПАЗОН ВЗГЛЯДОВ И ПОЗИЦИЙ, ПРИЧЕМ ПРИНЦИПИАЛЬНО ОТЛИЧНЫХ ДРУГ ОТ ДРУГА.

В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ ГЛАВНОЕ В СВОЕЙ РАБОТЕ — В СВЕДЕНИИ ВСЕХ ВЗГЛЯДОВ К ЕДИНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ, РАССЫПАВШИХСЯ ГОЛОСОВ — В ЕДИНЫЙ ХОР, ИЛИ, ЕСЛИ ТАК МОЖНО СКАЗАТЬ, В РАСКРЕПОЩЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, ПОЛНОМ ВЫЯВЛЕНИИ И СОЗДАНИИ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕХ ЭТИХ ВЗГЛЯДОВ И ПОЗИЦИЙ?

ЗДЕСЬ ЖЕ ВОПРОС О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПЛЮРАЛИЗМЕ МНЕНИЙ. НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ, ЧТО КОНКРЕТИЗИРОВАННЫЙ ТАКИМ ОБРАЗОМ ТЕРМИН НЕПЕРСПЕКТИВЕН. ВЕДЬ СЕЙЧАС ОН ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ДУМАТЬ И ГОВОРИТЬ РАЗРЕШЕНО ПО-РАЗНОМУ, НО КАК БУДТО НЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ПЕРЕХОДА К ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ПЛЮРАЛИЗМУ И ПЛЮРАЛИЗМУ ДЕЙСТВИЙ. А ВЕДЬ ТАКОЙ ПЕРЕХОД, ЕСЛИ МЫ БУДЕМ ДВИГАТЬСЯ ПО ПУТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ, МНЕ КАЖЕТСЯ, НЕИЗБЕЖЕН.

— Здесь я не согласен с вами. Посмотрите, сколько в последнее время появилось новых общественных организаций, различных самодеятельных объединений, в том числе и молодежных. И у каждого — свое лицо, своя программа, своя перспектива действий.

Другое дело, когда, как отмечалось на совещании в ЦК КПСС 3—4 февраля этого года, сложные процессы действительности нередко находят свое выражение в национальном, групповом и корпоративном эгоизме, в крайностях оценок исторического прошлого, сегодняшних реалий и перспектив дальнейшего развития страны, в появлении демагогических и экстремистских взглядов, несовместимых с принципами и идеалами социализма.

А потом, я уверен, что судьба перестройки никогда не будет решаться только на митингах, а прежде всего — непосредственно в трудовых коллективах. И самая большая трудность для нас отнюдь не в том, чтобы дискутировать с теми или иными лидерами «неформалов», хотя это тоже нужно уметь делать, а в том, чтобы идеологическая работа по-настоящему развернулась именно в трудовых коллективах, на местах, в каждой парторганизации. Искать правильные формы и методы работы, учиться разговаривать с людьми на равных, сделать так, чтобы наши пропагандисты, лекторы пользовались полным доверием народа. И здесь, продолжая разговор о преодолении разрыва между словом и делом, я хотел бы остановиться еще на одном методологическом принципе перестройки идеологической работы. Смысл его в том, чтобы наши усилия были направлены на конкретного человека, на определенную социальную группу, то есть работа эта должна носить целенаправленный характер. И такой подход должен утвердиться в каждом трудовом коллективе. Это в идеале, пока же здесь сделано еще очень мало, сказывается неподготовленность наших кадров к такой работе.

— ТОЛЬКО ЛИ НЕПОДГОТОВЛЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО АКТИВА ВЛИЯЕТ НА КАЧЕСТВО ЭТОЙ РАБОТЫ? ЕСЛИ МЫ ГОВОРИМ СЕЙЧАС О ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ РАБОТЕ, ТО НУЖНО БОЛЕЕ ЧЕТКО ПРЕДСТАВЛЯТЬ СЕБЕ СТРУКТУРУ, СОСТАВ ЭТИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП.

— Безусловно. Если бы ученые подключились к разработке этих проблем, особенно связанных с социально-психологическими характеристиками различных социальных групп, если бы они пытались дать конкретные рекомендации, это значительно облегчило бы работу идеологическому активу. Конкретные рекомендации нужны и от самих партийных организаций, которые обязаны знать ситуацию, запросы, настроения, особенно в трудовых коллективах. И конечно, нужно как можно шире опираться в работе на данные социологических исследований, знать общественное мнение по тому или иному вопросу.

В прошлом году горком, райкомы партии с помощью различных организаций провели более 300 самых разных социологических ис-

следований, в основном экспресс-опросов общественного мнения.

На моем столе находится материал о результатах исследований общественного мнения москвичей по итогам 1988 года. О чем они свидетельствуют? Трудящиеся и жители города достаточно низко оценивают состояние дел в народном хозяйстве страны и Москвы в минувшем году, но в то же время не теряют надежды на улучшение положения дел в будущем. Так, 41% опрошенных считают, что в 1989 году положение начнет улучшаться. 70% отмечают благоприятное развитие процессов демократизации и гласности. В оценке изменений в личном плане находит выражение динамизм сегодняшней социальной жизни, оживление социальных процессов, пришедших на смену застойному периоду. 37% участвовавших в опросе отметили, что год для них был хорошим, плохим — лишь 18%; 32% указали, что за год улучшилось материальное положение семьи, 24% — что оно ухудшилось. В целом я бы отметил деловой настрой москвичей, их стремление справиться с имеющимися трудностями.

Результаты исследования свидетельствуют также о том, что трудящиеся города плохо знают о ходе проведения радикальной экономической реформы, процессах демократизации в Москве. Это заставляет нас совершенствовать систему политического информирования москвичей о практических шагах перестройки.

Недавно МГК КПСС принял специальное решение о развитии системы изучения общественного мнения. Тон в этой работе будет задавать рабочая группа, созданная в рамках идеологической комиссии МГК КПСС. Методическое руководство проведением исследований возложено на специализированное подразделение Института социологии АН СССР. Кроме того, при Мосгорисполкоме организуется хозрасчетный центр по изучению общественного мнения. В него войдут научно-исследовательский сектор, сектор подготовки и переподготовки кадров. На очереди — создание соответствующих общественных органов в районных комитетах партии. Хочу подчеркнуть, что партийным, идеологическим работникам надо учиться пользоваться полученной информацией. На ее основе своевременно изменять акценты в содержании, формах и методах своей деятельности. Речь идет о формировании социологической культуры. Считаю, что большую помощь в этом окажет «Трибуна социолога» — ежемесячная передача московского телевидения, которая в скором времени начнет выходить в эфир.

— АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, А ЧТО СОБОЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ПЛАНЕ, КАКОВА ЕГО СТРУКТУРА?

— В отделе сейчас создано восемь подразделений. Это секторы — общественных наук и пропаганды; межнациональных отношений и атеистического воспитания; анализа идеологической обстановки; массово-политической, культурно-просветительной работы и спорта; средств массовой информации; народного образования, литературы и искусства; лекторская группа. Работники секторов будут помогать в работе идеологической комиссии МГК КПСС, рабочим группам. Даже по названиям секторов можно представить широкий спектр проблем, которыми занимается отдел. И одна из главных — подготовка идеологических кадров. Ведь именно за упущения в работе, допущенные на этом участке деятельности, горком, идеологический отдел серьезно критиковались на городской отчетно-выборной конференции.

В этой связи хочу отметить поворот в работе с обществоведами. Если мы раньше выступали в роли своеобразных потребителей, то есть

привлекали к работе сложившиеся кадры, то сейчас мы будем активно влиять на саму подготовку обществоведов. А обществоведы в Москве — заметная сила, 13 тысяч человек. Это преподаватели вузов, ученые и специалисты академических институтов. Предстоит добиться повышения теоретической и методической подготовки обществоведов, особенно научной молодежи. Уже созданы постоянно действующие семинары для вузовских преподавателей истории, политэкономии, философии, школьных обществоведов. Мы хотим также внимательнее приглядеться к темам их научных работ, особенно связанных с изучением идеологической обстановки, с тем чтобы выработать наиболее эффективные модели влияния на формирование мировоззрения человека.

— В СРЕДЕ ИСТОРИКОВ, ОБЩЕСТВОВЕДОВ СЕЙЧАС ИДУТ ЖАРКИЕ ДИСКУССИИ О НАШЕМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ, СТАЛКИВАЮТСЯ МНЕНИЯ, ПОЗИЦИИ, ЗАЧАСТУЮ ПОЛЯРНЫЕ, В ОЦЕНКЕ ТЕХ ИЛИ ИНЫХ ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ, ПЕРЕОСМЫСЛИВАЕТСЯ РОЛЬ НЕКОТОРЫХ БЫВШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СТРАНЫ. КАКОВА ВАША ЛИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ В ЭТОМ СПОРЕ?

— Ликвидация так называемых белых пятен в нашей истории, очевидно, займет не один год. Это длительный процесс. Многое будет уточняться, на многое придется смотреть несколько иначе. Например, вы знаете, что ЦК КПСС с новых позиций отнесся к деятельности, например, такого человека, как Жданов. Он оказался в числе тех руководителей государства, чья подпись стоит на большинстве списков людей, подлежавших репрессиям.

— А ВОРОШИЛОВ?

— Думаю, и здесь неизбежны коррективы, но от окончательных выводов пока воздержусь. Скажу только, что здесь нельзя поддаваться эмоциям, перехлестам. Прежде всего нужны достоверные данные, тогда на их основе можно принимать то или иное решение.

— НЕТ ЛИ ЗДЕСЬ ОПАСНОСТИ, ЧТО ПРОЦЕСС ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ СЛИШКОМ ЗАТЯНЕТСЯ?

— Каждое такое решение затрагивает судьбы людей, и не только уже ушедших из жизни. Поэтому здесь возможен, с моей точки зрения, лишь один подход — строго на основе документов.

— В СВЯЗИ С КРУПНОЙ РЕОРГАНИЗАЦИЕЙ ВАШЕГО ОТДЕЛА, С НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ, КОТОРЫЕ ОН ПРИЗВАН ТЕПЕРЬ РЕШАТЬ, ПО-ВИДИМОМУ, К ВАМ ПРИШЛИ И НОВЫЕ РАБОТНИКИ. СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВНУТРИ САМОГО ОТДЕЛА СЛОЖИЛОСЬ ЕДИНОДУШНОЕ МНЕНИЕ О ФОРМАХ И МЕТОДАХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ? ИЛИ ВЫ ТОЖЕ В СПОРАХ, В ДИСКУССИЯХ?

— Могу сказать, что в отдел пришли квалифицированные люди. Что же касается отдела как единого целого, то идет процесс становления и говорить, что формы и методы нашей работы окончательно сформировались, думается, рано. Да и вообще, опасно навсегда останавливаться на чем-то, пусть даже на сегодняшний день удачно найденном. Идеологическая работа — это непрерывный процесс поиска оптимальных решений. Каждый день не может быть похож на предыдущий, ибо новое сегодня властно врывается в наши души, требует осмысления. Помните у поэта: «Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь».

— АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, Я ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ ЭТИ СТРОКИ ЗАБОЛОЦКОГО. Я БЫ ДАЖЕ РИСКНУЛ СООТНЕСТИ ИХ С ПОДГОТОВКОЙ МОЛОДЫХ ПРОПАГАНДИСТСКИХ КАДРОВ В МОСКВЕ. ИМЕННО ЛЕКТОРЫ И ПРОПАГАНДИСТЫ ВО МНОГОМ ДОЛЖНЫ ФОРМИРОВАТЬ У ЛЮДЕЙ «ДУШУ ЖИВУ». НО ВОТ ТАКОЙ ФАКТ НАСТОРАЖИВАЕТ — В МОСКВЕ МАЛО МОЛОДЫХ ЛЕКТОРОВ И ПРОПАГАНДИСТОВ.

— Это действительно так. И нас не может не тревожить такое

обстоятельство. Сейчас и в Доме политического просвещения МГК и МК КПСС, и в городском университете марксизма-ленинизма проводится очень большая работа по подготовке идеологических кадров, особенно из числа молодежи. В университете мы перешли к целевой подготовке кадров. Группы слушателей сейчас формируются с учетом будущей общественной занятости людей. Соответственно строятся и программы обучения.

— ЗДЕСЬ НЕ ВСЕ ЯСНО. ВЫ ГОВОРИТЕ: ЭТИ ГРУППЫ СТРОЯТСЯ ПО ЦЕЛЕВОМУ ПРИЗНАКУ, НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НА ПРЕДПРИЯТИЯ МОСКВЫ ПРОДОЛЖАЮТ ПОСТУПАТЬ РАЗНАРЯДКИ НА УЧЕБУ ЛЮДЕЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, И ЗАЧАСТУЮ РУКОВОДИТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ РАССМАТРИВАЮТ ИХ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ. И ДАЖЕ ЕСЛИ, СКАЖЕМ, В КАКОЙ-ТО ПЕРИОД ОСТРОЙ НЕОБХОДИМОСТИ В УЧЕБЕ НЕТ, НО ЛЮДЕЙ ВСЕ РАВНО ВЫНУЖДЕНЫ ПОСЫЛАТЬ. ЭТО ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СВОЕГО РОДА ПОВИННОСТЬ. НЕ ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ОТХОДИТЬ ОТ ЭТОГО ПРИНЦИПА И БРАТЬ ЗА ОСНОВУ РЕАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ТЕХ ИЛИ ИНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРАХ?

— Здесь сказывается своеобразная инерция иных времен, существующая в районном звене. В течение двух последних лет при наборе в университет марксизма-ленинизма мы исходим из тех заявок, которые нам дают районные комитеты партии. А вот всегда ли они знают досконально реальную потребность в кадрах? Я лично сильно сомневаюсь в этом. Все еще сказывается пресловутый статистический подход.

А здесь как раз следует действовать по принципу «лучше меньше, да лучше». Нужно активнее привлекать к учебе молодых коммунистов, комсомольцев, имеющих тягу к идеологической работе, помогать им в формировании навыков вести пропаганду в диалоговых формах, быть психологически подготовленными, когда приходится оказываться лицом к лицу с представителями отдельных крикливых группировок.

Здесь, я считаю, самое время обратиться к истории нашей партии. Если говорить по большому счету, наша партия — партия улиц, партия площадей, партия открытых митингов. Давайте же еще раз внимательно вглядимся в наш собственный исторический опыт.

Хотел бы подчеркнуть, что эффективно готовить кадры можно, лишь объединяя усилия партийных комитетов, бюро и университета марксизма-ленинизма. Здесь надо искать новые формы взаимодействия.

— УМЕНИЕ ЗАЩИЩАТЬ, ОТСТАИВАТЬ СВОЮ ПОЗИЦИЮ ОСОБЕННО ВАЖНО СЕЙЧАС, КОГДА СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР...

— Здесь роль идеологического актива столицы трудно переоценить. Безусловно, что для выборов, которые будут проходить в новых условиях, нужна новая система аргументации, нужны новые приемы работы. Как раз выборы очень хорошо показывают, насколько идеологическая работа выполняет свою главную функцию — обеспечивать связь партии с массами.

Выборы — это и хорошая школа для наших идеологических кадров потому, что здесь придется вести работу, что называется, глаза в глаза, здесь никакие конспекты не помогут.

Выборы проявят истинное лицо каждого идеологического бойца, но, думается, что те изменения, которые происходят в идеологической работе, создают надежные предпосылки того, что и с этим ответственным уроком наши идеологические кадры справятся. И вообще, я оптимист — верю в завтрашний день.

Игорь Бестужев-Лада

ЧТО ТАКОЕ «РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ»? ПОЧЕМУ ОНО НЕОБХОДИМО?

Исторический опыт многих стран, в том числе нашей, особенно в последние десятилетия наглядно показал: если реальная власть в государстве оказывается в руках какой-то группы людей, и тем более одного человека, неизбежны злоупотребления властью, произвол, ошибочные решения с поистине катастрофическими для общества последствиями. Вот почему прогрессивная мировая общественная мысль еще более двух столетий назад выработала спасительную идею: необходимо разделять государственную власть между тремя независимыми друг от друга органами, которые контролировали бы друг друга, не допуская злоупотреблений и непродуманных решений.

Один орган — законодательный (государственный совет, парламент, у нас — Советы народных депутатов). Он определяет, как управлять, и следит за тем, чтобы управляющие не выходили за рамки установленных положений. Поскольку этот орган призван выражать волю народа, ясно, что он должен строиться на избирательной основе.

Другой орган — исполнительный (исполнительные комитеты, министерства, ведомства) — практически осуществляет текущее управление: принимает управленческие решения и следит за их выполнением, отчитываясь перед законодателями. И коль скоро это так, нецелесообразно делать такого рода органы выборными. Они обычно назначаются законодателями, но, в свою очередь, имеют право выходить с законодательными инициативами и даже протестовать против тех или иных законодательных установлений, вынося окончательное решение на суд народа (референдум, плебисцит).

Наконец, третий — судебный орган (суды всех инстанций — от товарищеского до Верховного) следит за соблюдением законности вообще и за соответствием управления принятому законодательству в частности, причем в случае необходимости он может привлечь к ответственности и законодателей и исполнителей. Понятно, чтобы иметь подобную возможность, суды должны быть полностью независимы и подчиняться только закону.

Кроме того, всегда и во всех странах мира существовала четвертая власть, формально выходящая за рамки государственной, но фактически оказывающая сильнейшее воздействие на государственные дела,— власть идеологическая, морально-политическая. У нас эту власть и формально (по соответствующему положению Конституции страны), и фактически осуществляет правящая Коммунистическая партия.

Выборы на съезд народных депутатов, которому предстоит избрать Верховный Совет и Верховный суд СССР, после чего состоятся аналогичные выборы в республиках, областях, районах,— важная веха в истории страны. Ведь от того, кого народ пошлет в органы власти, во мно-

И. В. Бестужев-Лада — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, заведующий сектором Института социологии АН СССР, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.

гом будет зависеть, насколько продвинется вперед дело перестройки. В связи с этим разговор о «соотношении властей» представляется актуальным.

Теоретически, сообразно букве существующих законов, в нашей стране функционируют все четыре власти. Советы совещаются, исполкомы распоряжаются, суды судят, партия руководит. Но практически история наша сложилась таким образом, что за каждый объект управления, будь то область или район, завод или школа, отрасль или спортивное общество, отвечает один-единственный «хозяин». Большей частью формально избранный, а фактически всегда и во всех случаях «подобранный», то есть назначенный вышестоящим «хозяином» и несущий реальную ответственность только перед ним. Важнейшие из таких «хозяев» — секретарь райкома, секретарь обкома партии и выше. При таких порядках партия как бы подменила собой три остальные власти. Партийные руководители нередко вмешиваются в работу Советов народных депутатов, их исполкомов, вплоть до указаний о том, какие принимать решения, звонят по телефону судье, какой выносить приговор... Образно говоря, мечутся между коровником и уголовником, а на собственную — очень важную! — партийную работу сплошь и рядом времени не остается, она оказывается запущенной и дискредитированной. А Советы при таких порядках сделались чисто декоративным органом, вроде архитектурного украшения государственного здания, вся их деятельность слишком буквально укладывалась в пресловутую бюрократическую формулу «слушали — постановили» (разумеется, то, что указано свыше, и разумеется, во всех случаях — единогласно). Исполкомы Советов превратились в «мальчиков на побегушках» у реальных власть предержащих. Суды стали руководствоваться не столько законами, сколько все теми же указаниями свыше, со стороны все тех же реальную власть имеющих.

В совокупности получилось то, что мы деликатно именуем бюрократическим централизмом, административно-командной системой. Названия разные, а суть одна, причем предельно далекая от духа того, что записано и в Конституции СССР, и в Программе КПСС. Результаты общеизвестны: система оказалась абсолютно нежизнеспособной, влачащей страну от одной проблемной ситуации к другой, еще более тяжелой, и в конце концов вовлекшей ее в предкризисное состояние. Но вместе с тем поразительно живучей, поскольку пирамида «хозяев», спаянных личной зависимостью друг от друга и своими групповыми интересами, оказалась покрепче иных железобетонных надолб, с помощью которых обычно перекрывают движение на дороге (в данном случае — на дороге перестройки).

Следы жизнедеятельности упомянутой системы можно обнаружить сегодня буквально в каждом нашем городе и селе. Возьмем для примера Москву. Сколько было планов и генпланов превращения ее «в образцовый коммунистический город»! А что получилось, когда за дымовой завесой пустословия стали реализоваться амбиции множества разнообразных «хозяев» и «хозяйчиков», зачастую взаимоисключающие одна другую, но все одинаково воинствующе утопические? Получилось противоестественное скопление гигантских масс в мегалополисе, где вместе с пригородами проживает полтора десятка миллионов человек с изначально искалеченной производственной структурой и социальной инфраструктурой, так что для поддержания жизнестойкости «бронтозавра» потребовалось ежегодное «вливание» десятков тысяч рабочих рук извне. А следовательно, сооружение для этих «рук» и членов их семей каждый год областного города средней величины прямо в пределах

Московской кольцевой автодороги. Ясно, что подобная, с позволения сказать, градостроительная политика быстро завела развитие города в тупик, из которого ныне приходится выбираться с величайшим трудом. А сколько ценнейших исторических памятников было бездумно снесено, сколько уникальных городских ансамблей-ландшафтов разрушено, сколько отвратных домов-скороспелок понастроено в вожделении очередной премии? И все тихо-келейно, по формуле «мы тут в президиуме посовещались и решили...» Протестующий глас отдельных граждан, архитекторов, депутатов Моссовета остался гласом вопиющих в пустыне.

Ну а пожаловаться на злоупотребления властью в суд? Обратиться в единственную надведомственную инстанцию — горком партии? Да это никому и в голову не приходило, поскольку все понимали: решения принимались не в Моссовете и не рядовыми работниками горкома (хотя, возможно, и фиксировались там), а «хозяином» города и его «унтер-хозяевами» по архитектурно-планировочным делам.

И вот эту порочную практику предстоит радикально менять. От бюрократического централизма переходить к централизму демократическому. Первый шаг в намеченной политической реформе сделан: приняты поправки к Конституции СССР, открывающие путь к действительному разделению властей. Предстоят съезды народных депутатов. Работа формируемого ими Верховного Совета, его комитетов и комиссий. Работа Советов народных депутатов, их комитетов и комиссий на всех уровнях — от республиканского и областного до городского и районного. Действительная подотчетность Советам народных депутатов исполкомов, министерств, ведомств. Работа Комитета конституционного надзора и судов всех степеней, члены которых согласно поправкам к Конституции независимы и подчиняются только Конституции, только закону.

Естественно, все серьезные нововведения подобного рода вызывают и будут вызывать множество уточняющих вопросов, комментариев, дополнительных соображений. В условиях гласности они неизбежно окажутся в центре внимания общественности, постоянно будут служить предметом обмена мнениями, содержательных дискуссий, направленных на оптимизацию дальнейших шагов в том же направлении.

Рассмотрим и мы некоторые дискуссионные вопросы по каждой из четырех разделенных (точнее, разделяемых) ныне «властей».

Отцы-законодатели

Нас много лет приучали с презрением относиться к буржуазной демократии с ее фальшью, говорильнями-парламентами и бюрократами-министрами, противопоставляя ей нашу родную социалистическую демократию с ее сказочно всевластными Советами, которые не болтают, а осуществляют коллективное управление... То, что у буржуазной демократии много фальши и ее не стоит идеализировать, само собой разумеется, об этом можно прочитать на страницах не только «Правды», но и, скажем, «Нью-Йорк Таймс». А как насчет демократии социалистической, где вроде бы успешно преодолено якобы порочное разделение властей и Советы успешно сочетают все функции государственной власти? Да очень просто и всем хорошо известно: вся власть оказалась в руках не Совета, а председателя соответствующего исполкома, подобранного соответствующим «хозяином» и шага не могущего ступить без его указки. Ну а депутаты Совета? Это даже не говорильня, а сплошные

продолжительные аплодисменты после каждой фразы председателя исполкома, все встают (правда, некоторые потом садятся...).

И вот со всем этим предстоит решительно кончать, все это радикально перестраивать сообразно принципам подлинной демократии — не буржуазной, конечно, а действительно социалистической.

Возникает, понятно, множество вопросов, которые служили и служат предметом оживленной дискуссии. Здесь едва ли уместно да и просто практически невозможно хотя бы бегло коснуться главных из них. Остановимся лишь на двух, представляющихся наиболее дискуссионными: функции Советов при действительном разделении властей и статус депутатов народных Советов в системе общественного производства страны.

Статья 111 Конституции СССР (в новой ее редакции) устанавливает: «Верховный Совет СССР — постоянно действующий законодательный, распорядительный и контрольный орган государственной власти СССР». Насчет «законодательного» понятно: не исполнительный и не судебный. С известными оговорками можно понять и «контрольный» — в смысле контроля за проведением в жизнь принятых законодательных решений. (Иначе непонятно, какой же властью будет обладать Комитет конституционного надзора, с одной стороны, и Комитет народного контроля, уже в составе исполнительных властей,— с другой.)

Наименее понятна формулировка «распорядительный» орган. Если имеется в виду «продукция» законодательных органов, то есть не только законы (в узкоформальном смысле этого слова), но и постановления, распоряжения, другие акты, то это, в общем-то, все те же законодательные функции, и ничего больше. А вот если это рецидив попрания принципа разделения властей и наделение законодательной власти исполнительскими функциями, то это мы, как говорится, уже проходили, это уже было, и ничего хорошего, кроме дикой бюрократизации системы управления, из этого не получилось.

Словом, налицо не что иное, как опасение за целостность и последовательность реализации принципа разделения властей. Окажется принцип соблюденным — различным словам типа «распорядительный» можно будет дать надлежащее толкование. Окажется нарушенным — в пору бить тревогу.

Еще сложнее обстоит дело со статусом депутатов.

Представим себе, что мы всех депутатов всех Советов напрочь освободим на время их депутатства от любых других форм участия в общественном производстве, то есть фактически уволим с работы, предоставим кабинет и платных (естественно, за счет государства) помощников, а также зарплату и квартиру по месту их новой постоянной службы.

Что получится? Известно, что мировой опыт достаточно красноречиво свидетельствует об этом. Возникнет особая каста профессиональных служащих со своими групповыми интересами, тесными личными взаимосвязями, круговой порукой в отстаивании групповых интересов и, главное, с постоянными мыслями о том, что же будет, когда окончится срок депутатства и придется возвращаться на прежнюю или устраиваться на новую работу, серьезно дисквалифицировавшись за время депутатства, и вообще «начинать по новой». А тут — тут как тут — представители различных ведомств со всякого рода заманчивыми предложениями, за которые авансом надо расплачиваться соответствующим голосованием в Совете, а то и «проталкиванием» нужных актов. Словом, мы столкнемся с пресловутым «лобби», от которого стоном стонут парламенты Запада. Не скатиться бы нам на такой путь!

Именно опасение получить еще одну касту профессиональных бюрократов — на сей раз не только в исполнительной, но и в законодательной сфере — послужило в свое время исходным резоном для прямо противоположной модели организации работы законодательного органа. Депутат, кем бы он ни был в Совете, хоть членом комиссии, хоть даже членом Президиума, освобождается от своей основной работы только на время весьма краткосрочных сессий один или от силы несколько раз в году на правах самого обычного (только привилегированного) командированного. А за рамками командировки на сессию Совета он обязан трудиться на своем рабочем месте, как все простые смертные. При этом, разумеется, возник соблазн посылать в законодательные органы не только опытных в таких делах людей, но прежде всего заслуженных на своем поприще — знатных сталеваров и доярок, именитых ученых и писателей, знаменитых артистов и спортсменов: какая разница, кого посылать на двух-трехдневное обсуждение доклада? Уж лучше послать заслуженного человека, даже если он ни на что, кроме аплодисментов, не способен. И подобной практикой долгое время еще и гордились...

Что получилось? Известно! Длиннющий, нашпигованный цифровыми данными, занудный доклад, который просто физически невозможно ни подготовить самому докладчику, ни воспринимать на слух. Готовят его, и это всем известно, работники аппарата. А каково слушать?! Что ж, можно делать вид, что слушаешь, только не забывать аплодировать в положенных местах. И когда у слушающих нет ни должной подготовки, ни должной квалификации, чтобы разбираться в законодательных делах, получается вопиющая профанация важного государственного дела. Вот тут-то и возникает своего рода питательный бульон для процветания махровой бюрократии.

Как же быть? Видимо, нужно искать «золотую середину» между кастовой Сциллой профессионалов и парадной Харибдой дилетантов. Иного пути в поле зрения нет. И мы, по существу, уже вступаем на этот путь, подстраивая под него организацию работы народных избранников.

Прежде всего пробилась в жизнь здравая мысль: всем ли депутатам надо надолго отрываться от мест своей основной работы? Эта мысль породила не менее конструктивную идею: перенести центр тяжести работы Советов на их комитеты и комиссии, собирая пленарные сессии не для «заслушивания» ритуально-литургических докладов, а для дискуссионного обсуждения материалов, заранее подготовленных помянутыми комитетами и комиссиями, под древним девизом: «В споре рождается истина».

Главное — чтобы все до единого депутаты, избранные народом,— и академик, и герой, и мореплаватель, и плотник — имели возможность получить основательную подготовку в законодательных делах и стали если и не профессионалами, то уж, во всяком случае, отнюдь не наивными дилетантами.

Главное — чтобы материалы готовились заранее, рассылались заблаговременно, чтобы на них можно было реагировать не только на сессии, но и отзывом, экспертизой, обсуждением в широких кругах избирателей.

Главное, чтобы сессии были гласными, чтобы на них всегда незримо, но весомо присутствовало общественное мнение избирателей. Тогда, возможно, и заседания станут менее частыми и продолжительными, а их результаты — более плодотворными.

Так вот, при такой организации дела, по нашему мнению, не понадобится продолжительный отрыв от постоянных рабочих мест подав-

ляющего большинства депутатов как в нижних звеньях системы Советов, где очень важно для депутата постоянно оставаться в гуще избравших его людей, так и в высших, где продолжительный отрыв от основной работы целесообразен, по нашему мнению, только для членов комитетов и комиссий (и то, может быть, не для всех и не во всех случаях) да еще для членов руководящего органа Совета. И если при этом возможно шире применить принцип ротации, то есть смены членов комитетов и комиссий новыми, то общее число депутатов, которые целиком замкнутся на пять — десять лет в стенах наших капитолиев, можно будет существенно сократить, доведя до минимума.

Разумеется, рационализация работы депутатов вовсе не снимает вопроса об опасности ее бюрократизации. Могут возникнуть и синдромы кастовости, и элементы круговой поруки, и групповые интересы, и многоликое лобби... Все это означает лишь то, что вопрос о систематической дебюрократизации работы госаппарата остается актуальным не только для исполнительной и судебной, но в не меньшей мере и для законодательной власти.

Скольких болестей и горестей в городском хозяйстве и социальном организме Москвы, например, можно было бы избежать, если бы проблемные ситуации городских и областных (агломерационных) масштабов обсуждались не келейно, в тиши председательских и секретарских кабинетов, а сначала в рабочей группе, созданной соответствующей комиссией Моссовета; затем (когда вопрос достаточно подготовлен) — в самой комиссии; далее — широкими кругами избирателей; и наконец, тщательно подготовленные на основании предварительных обсуждений альтернативные варианты — на пленарной сессии Моссовета, решения которой обязаны были бы скрупулезно проводить в жизнь работники Мосгорисполкома.

Вспоминаю разыгравшиеся в прошлом году баталии разных масштабов — то вокруг векового древа на Поварской, то вокруг судьбы Лефортова... Вот уж поистине: от взрывчатки под храмом Христа Спасителя, заложенной по мановению руки новоявленного Угрюм-Бурчеева, ушли, а к цивилизованному решению вопроса о том, как быть с памятником архитектуры или с новой автотрассой, еще не пришли. Скорее бы прийти! И ведь путь-то — проще простого: профессиональная экспертиза (рабочая группа специалистов) — общественная экспертиза (обсуждение широкой общественностью с формированием господствующей позиции общественного мнения по данному вопросу) — санкция законодательной власти (решение Совета народных депутатов) — обращение к народному опросу в случае конфликтной ситуации после принятого решения. И вместо воинствующих демонстраций — толпы благодарственных манифестаций...

Чтобы вступить на этот путь, надобно только одно — категорически отказаться от формулы: «Мы тут в президиуме посовещались и решили...» — и столь же категорически перейти к формуле: «Мы тут в Совете постановили, а вы там, в президиуме (то бишь в исполкоме, министерстве и т. п.), исполняйте, как положено власти исполнительной».

Слуги народа

Нормальные взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью менее всего похожи на отношения между самодуром-купцом и приказчиком у него на побегушках. Это, скорее, отношения рачительного хозяина и дельного управляющего его имением. Иначе

говоря, исполнительная власть — это не просто работники исполкома или министерства, стремглав кидающиеся выполнять приказы, доносящиеся из зала заседаний Совета. Это равноправный партнер законодателей, только со своими специфическими функциями-задачами.

Мы удивляем мир масштабностью наших президиумов: порой кажется, что в президиуме народу больше, чем в зале (иногда именно так и бывает). В иных-прочих странах люди стесняются «возвыситься» таким образом над массой собравшихся, стараются пройти в зал и сесть рядом со всеми, оставив в президиуме одного, от силы двух-трех человек для руководства собранием. У нас все наоборот. Традиции идут прямиком от боярской думы: чем выше в президиум и ближе там к первому ряду, тем почетнее в глазах собравшихся...

Надо полагать, со временем стулья в президиумах станут использоваться по прямому назначению: в центре — места членов избранного Советом президиума (бюро), дабы присутствующие видели, кого они избрали, а избранные могли быть готовыми в любую секунду держать ответ перед избирателями, буде к ответу призовут; а по флангам — места для представителей исполнительной власти, с которых тоже спрос в первую очередь и которые должны чувствовать себя в своих «ложах» перед лицом членов Совета как ответчики за дела, им подведомственные. При этом, разумеется, ответственное лицо должно не только отвечать за порученное ему дело перед законодателем. Оно наряду с депутатами и общественными организациями страны должно обладать правом законодательной инициативы, иметь принципиальную и практическую возможность вносить проекты законов, постановлений, распоряжений, любых нормативных актов, активно участвовать в их обсуждении (с правом совещательного голоса, разумеется) и вообще во всей работе законодательного органа. Ведь у него, у этого ответственного исполнительного лица, огромный опыт практической работы, оно, это лицо, всегда на переднем крае социального управления, именно ему приходится испытывать, что называется, на собственной шкуре конкретные последствия всех благомудростей (или благоглупостей), измысленных законодателями.

Так как же можно держать его в стороне от процесса выработки законодательных актов, от всей работы законодательных органов?! Ни один рачительный хозяин никогда не позволил бы себе ничего подобного в отношении своего управляющего, от которого он ждет не только исполнительности-распорядительности, но и дельного совета при выработке решений.

Единственное, что категорически запрещается представителям исполнительной власти,— входить в состав членов власти законодательной, путая кислое с пресным, «отчитываясь» перед самим собой. Они могут выбирать «либо — либо»; тем и другим закрывается дорога к судебным должностям. Иначе мы опять возвращаемся к «самодержцу» местного значения, который сам судит и рядит да еще и устанавливает, как судить-рядить.

И единственное исключение из этого разумного правила — для главы исполнительной власти. Ему согласно принятым к нашей Конституции поправкам разрешается выдвигать свою кандидатуру на выборах депутатов. Эта традиция присуща многопартийной демократии, когда глава победившей на выборах партии и формирует правительство. У нас правящей партии побеждать на выборах некого и избрание главы исполнительной власти депутатом имеет лишь символически почетное значение: будет предисполкома или предсовмина депутатом соответствующего Совета или нет — сегодня от этого ровно ничего не ме-

няется. Иное дело, когда получит распространение практика многомандатных выборов. В этом случае избрание (или неизбрание) главы исполнительной власти депутатом Совета будет означать доверие либо недоверие избирателей к той или иной программе действий, предложенной различными претендентами на практическое руководство проведением такой программы в жизнь.

Сегодня главное для нормализации положения с исполнительной властью — дебюрократизация вконец забюрократизированной системы управления, чтобы «слуги народа», как некогда иронично называли управленцев всех рангов и мастей, действительно сделались таковыми без всяких кавычек, в самом прямом смысле этого понятия: служили бы народу, доверившему им ту или иную область управления.

При этом вовсе не обязательно избирать каждого управленца. Целесообразнее назначать их органам законодательной власти на всех уровнях — от Верховного Совета СССР до совета любого предприятия, учреждения, организации. И если мы сегодня увлеклись выборами различных директоров, то это в праведном стремлении покончить с безобразным положением, когда директора «спускают» невесть откуда, и он, игнорируя коллектив, начинает ломать дрова, как медведь в лесу. Надо полагать, со временем будет отработан оптимальный порядок назначения исполнительной власти органами законодательной (равно как и порядок ответственности назначенных перед назначающими и, главное, перед своим коллективом), и тогда все встанет на свои места.

Гораздо важнее установить такой режим работы представителей исполнительной власти, при котором им было бы затруднительно сплачиваться в привилегированные профессиональные касты и отстаивать свои корыстные групповые интересы весьма эффективным методом круговой поруки. Для этого давным-давно выработаны четыре способа, не бог весть какие действенные в отдельности, но заметно приближающие нас к цели, если их применять совокупно-комплексно.

Способ первый: полная и подлинная гласность. Это означает, во-первых, конструктивность гласности, то есть обязательное претворение в жизнь обсужденных и принятых решений (что сейчас, скорее, приятное исключение, нежели правило); во-вторых, гарантии поверившему в гласность, что он надежно огражден от преследований за свои выступления (а изобретательность преследователей, как известно, не знает границ); наконец, в-третьих, строгое различие между гласностью подлинной и показушной (когда выходят на трибуну с единственной целью — урвать для себя что-либо сверх положенного, громко вопия о «страданиях за критику» и проч.).

В каждом из этих трех аспектов надлежит выработать механизмы конструктивности, гарантийности и «антипрохиндейности», которых пока что в наличии не имеется, отчего гласность в ущербе.

Способ второй: полная и подлинная подотчетность лица тем, кто доверил ему ответственное дело. Это означает право вотума недоверия в случае, если помянутое лицо надежд не оправдало. Но для этого необходим еще один механизм — выхода в отставку таким образом, чтобы это не выглядело наказанием, каковым у нас по сю пору считается всякое понижение в должности независимо от причин. Ну а когда повышение или понижение в должности рассматривается не в плане соответствия оной, а как награда или наказание со стороны начальства,— прощай, демократия, торжествуй, бюрократия.

Способ третий: обязательная сменяемость всех до единого управленцев, без единого исключения, которые в подобных случаях быстро становятся правилом. Проявил способность к управленческим делам

Равнодушно смотрящие

Михаил РОМАДИН

«ДАЖЕ В САМОМ ДРЕВНЕМ Я ПЫТАЮСЬ НАЙТИ СОВРЕМЕННОЕ...»

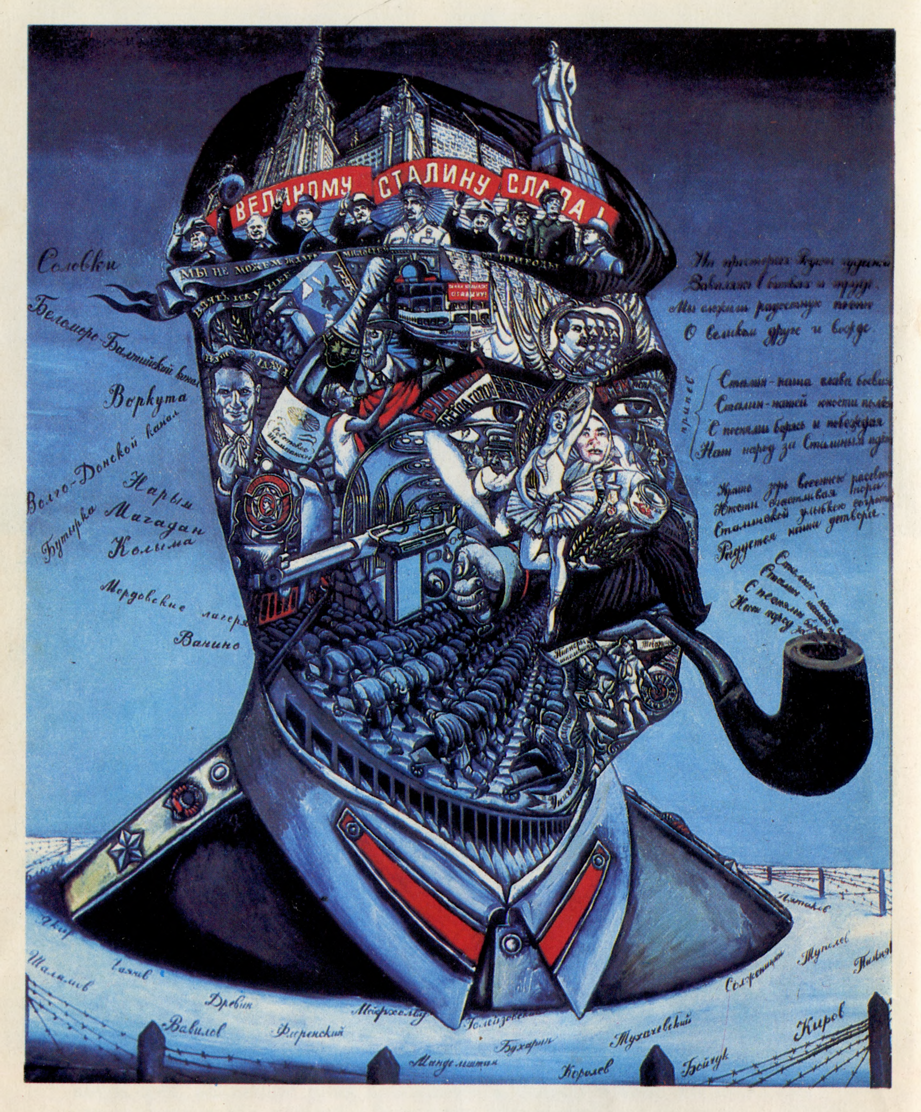
С тех пор как стиль прессы хрущевского времени изменился на застойный и все газеты и журналы стали похожими друг на друга, я перестал выписывать периодику, перестал слушать радио, смотреть телевизор.

Если бы кто-нибудь мне сказал тогда, что через несколько лет я возьмусь писать политические картины, я бы ему ни за что не поверил. Мне нравилась в ту пору позиция балетмейстера Голейзовского, который, даже пройдя через сталинские лагеря, говорил в своей книге исключительно об искусстве.

Сейчас мои интересы резко переменились: вместо художественных фильмов смотрю документальные, появился интерес к политическому плакату. Рок-музыку я всегда любил, но теперь предпочитаю «Звуки Му», «Авиа» и «Бригаду С» английским и американским группам. А газет и журналов выписываю такую гору, которую просто не успеваю прочитать.

Однажды на даче у друзей я обнаружил кипу журналов 30-х годов «СССР — на стройке». Замелькали знакомые с детства персонажи: смеющиеся колхозницы, марширующие физкультурники, Лысенко, Сталин... Возникло желание создать образ той страшной эпохи, тем более что материал оказался под рукой. Вначале был написан «Культ личности» и только позднее, во время работы над ним, идея, как говорится, дозрела. Я не пожалел времени, чтобы написать пять картин — пентаптих «Революция продолжается» — всю нашу историю от Октябрьской революции и до перестройки.

Продолжение на 3-й стороне обложки

Культ личности

(свойственную далеко не каждому) — послужи обществу пяток-другой лет и, пока не успел порасти мохом и вконец обюрократиться, уходи с почетом, освобождая место следующему административному гению.

Способ четвертый: регламентация отношений между управляющими и управляемыми звеньями, или, что то же самое, «делегирование» возможно большей части своих управленческих полномочий нижестоящим инстанциям и даже просто исполнителям. Дал задание, проконтролировал — и займись своим делом, не мешай людям работать мелочной опекой, бесконечными понуканиями. Памятуй, что хороший начальник тот, присутствия которого подчиненные как бы не замечают.

Специалисты по теории управления утверждают, что такая организация дела позволяет сократить число управленцев не на столько-то процентов, а в несколько раз, и во столько же раз повысить эффективность управления.

Сегодня «управляющих», скажем, в одной только столице много больше миллиона (на 5 миллионов работающих!), а возникает какая-нибудь проблема (снегопад ли одолевает, пьянчуги ли замучили, авария ли случилась), исполнительной власти словно и нет в городе. Да и в одной ли Москве такое положение?

Пора бы «слугам народа» занять достойное место в системе управления.

Суди меня, судья праведный!

Мы уже говорили, что сегодня повышение или понижение в должности целиком зависит от благорасположения «начальства». А что, если сделать по-иному? Допустим, начальник рассматривает вопрос о приеме или увольнении работника, понижении или повышении его в должности, поощрении или взыскании и вносит соответствующее предложение на рассмотрение Рабочего Суда Чести (который еще предстоит создать взамен совершенно не оправдавшего себя, малоэффективного товарищеского суда), а уж решение последнего утверждает законодательная власть коллектива — совет предприятия. Или несколько иначе: Суд Чести рассматривает вопрос и выносит решение, а начальство имеет право вето, и в случае разногласий окончательное слово остается за отцами-законодателями либо, в особо сложных случаях, принадлежит общему мнению (референдум).

Могут быть и иные процедуры. Важно одно: чтобы одобрение и порицание шло не только от начальства (хотя оно тоже должно иметь свое достаточно авторитетное мнение), а от всего коллектива, всего населения города, области, страны в целом. Но поскольку коллектив и тем более население не могут устраивать референдумы по каждой конфликтной ситуации, их могут и должны разрешать облеченные соответствующими доверием и полномочиями народные суды всех ступеней — от Суда Чести на предприятии до Верховного суда страны.

Суд способен не только решить, справедливы ли отказ человеку в приеме на работу, увольнение, поощрение или взыскание, но и вообще — справедливо ли управленческое решение, соответствует ли закону новый нормативный акт (не говоря уже, разумеется, об основной функции судов — рассудить, правильно квалифицировать, имеет ли место преступление, нарушение общественного порядка). Но для этого совершенно необходимо, чтобы судья был полностью независим и от законодателя, и от исполнителя, и даже от избирателя (если, понятно, сам не совершил чего-то противозаконного и не возник вопрос об отзыве его с занимаемой должности).

В настоящее время согласно новейшим поправкам к Конституции СССР судьи избираются законодательными органами (кроме низших звеньев — народных и товарищеских судов, избираемых непосредственно населением либо соответствующим коллективом).

Как мы уже говорили, не столь уж и важно, избирается или назначается судья на какой-то определенный, причем достаточно продолжительный, срок. Важно, чтобы при любой процедуре определения судьи на должность он мог не опасаться за свое будущее и был полностью независим от кого бы то ни было, тем более от любой из властей, подчиняясь только закону. Пока что судьи, по понятным причинам, довольно редко отваживаются выступить против того или иного высокопоставленного «слуги народа» и тем более «хозяина» в ранге партийного руководителя района или области, когда тот, другой и третий посягают на закон. А необходимо прямо противоположное: у любого власть имущего рука должна дрогнуть и ноги подкоситься при одной только мысли о том, что последует за явным нарушением закона, когда в это вмешается «третья власть».

Пора, давно пора разгрузить районные суды от заваливших их мелких гражданских дел, разрешать которые, на наш взгляд, вполне по плечу авторитетному Суду Чести по месту работы или жительства тяжущихся. Зато как важно сделать каждое заседание судов высших инстанций — от районного до Верховного — действительно публичными, в наиболее важных случаях даже с трансляцией по телевидению, так, чтобы всякое дело получило нужный общественный резонанс и выполняло воспитательную роль. Иначе мы так и будем захлебываться в мелочевке, оказываясь не в состоянии справиться со все более серьезным положением дел с правонарушениями.

Архитектор власти

При слове «идеология» у многих по привычке начинается зевота: оно чаще всего ассоциируется с царившим на политзанятиях беспросветным схоластическим талмудизмом, который неумелые пропагандисты выдавали за исторический материализм. Казалось бы, какое отношение все это имеет к нашей реальной жизни и ее проблемам?! На деле же имеет, причем самое прямое, потому что должно дать ответы, по крайней мере, на два весьма интересующих каждого из нас вопроса: почему в нашей жизни не все идет, мягко говоря, как хотелось бы, и что необходимо делать, чтобы в дальнейшем сущее по возможности сближалось с должным. (А для этого требуется основательный анализ сущего и не менее основательный нормативный прогноз должного.)

Каким, например, должен быть социализм — этот своего рода «переходный мостик» из капитализма в коммунизм: целиком «состоять» из коммунистических «досточек» с лишь кое-где оставшимися капиталистическими «перилами» в виде вооруженных сил, аппарата принуждения и прочим, как это предполагалось до 1920 года включительно и в 30—70-х годах, либо, напротив, полностью из наличного, то бишь капиталистического, материала — от товарно-денежных отношений с их «всамделишним» рынком, конвертируемой валютой, независимым ни от какого РАПО фермерством и т. д. — до состязательности различных политических платформ (в рамках социалистического плюрализма, разумеется), но с прочными «перилами», ведущими из капитализма в коммунизм, как это предлагал В. И. Ленин в 1921 году?

Ответ на этот основополагающий в нашей жизни вопрос напрасно

искать в дебатах законодательного собрания, еще напраснее — в келейной тиши управительских кабинетов и уж вовсе не разумно — в суде.

Ответ этот можно и должно вырабатывать только в недрах «четвертой», совершенно особой власти — идеологической, морально-политической, в нашей стране — партийной.

Или, скажем, возьмем вопрос о судьбах Москвы. Какою конкретно ей быть, чтобы она достойно выполняла десяток возложенных на нее ролей: столицы и державы, и республики, и области, и крупнейшего промышленного центра страны, и крупнейшего транспортного узла, и крупнейшего научного, и крупнейшего университетского центра, и крупнейшего музейного центра, притягивающего ежедневно не одну сотню тысяч туристов, и крупнейшего торгового центра, притягивающего со всех концов страны еще больше сотен тысяч покупателей, и т. д.?

Семьдесят лет назад один талантливый архитектор, А. В. Щусев, предложил свой оригинальный ответ на этот вопрос. Спустя десять лет другой «архитектор», обладавший талантами совсем иного рода (Сталин), выдвинул кардинально противоположный ответ. Последствия мы расхлебываем до сих пор. Правда, сегодня нас заверяют, что разработка единого Генерального плана развития Москвы и Московской области до 2010 года взята наконец под строгий партийный контроль, и надо надеяться на счастливый исход дела.

Но во-первых, обратите внимание: под строгий партийный контроль, а не моссоветовский, не мосгорисполкомовский и не мосгорсудебный. Потому что вопрос такого рода решать прежде всего правящей партии.

Во-вторых, разработка генплана — дело не одних лишь архитекторов. В эпоху гласности всякое архитектурно-планировочное решение должно пройти общественную экспертизу, и если партийные организации останутся в стороне от столь важного дела, пустят его на самотек — плохо они выполнят свою роль организаций правящей партии.

Как видим, идеология — это не только вопросы общественного строя страны в целом. Это и вопросы развития каждого города, поселка, села, социального развития каждого предприятия, учреждения. И тут всюду первейшее слово — за «четвертой властью».

Еще одна важнейшая функция идеологической власти — осуществление кадровой политики. Нет, это не келейный «подбор» кадров по накатанным каналам «номенклатуры». С такой порочной практикой как раз надо кончать. А вот рекомендация достойнейших кандидатов в депутаты законодательных органов, людей для замещения управленческих и судебных должностей, рекомендация отзыва не оправдавших доверия, не справившихся со своим делом, оскандалившихся работников — причем гласно, вынося вопросы на суд общественности, на усмотрение соответствующих органов власти. И кто же, как не идеологическая власть, способен тут сказать авторитетное слово?!

А какая еще власть способна подняться над ведомственными и местническими интересами? Кто может положить конец спорам, скажем, между Минводхозом и Госприродой, Госкомлесом и Минлесбумпромом, Гособразованием и кучей ведомств, пытающихся решать свои проблемы за счет дарового труда студентов и школьников?

В наших условиях только одна — партийная. Разумеется, если у нее есть оптимальные условия для осуществления функций «четвертой власти».

Плохо, когда партийный работник подменяет законодателя в комиссии Совета народных депутатов, в кресле управленца, за столом судьи. И напротив, очень хорошо, когда и депутат, и министр, и судья видят

в секретаре парткома любого уровня человека, к которому можно обратиться за советом в трудном случае, у которого можно просить содействия, когда невмоготу, перед которым можно предстать с неразрешимой конфликтной ситуацией, похвала или укор со стороны которого должны быть для законодателя, управленца, судьи много весомее премии или выговора.

Мы занялись строгим и последовательным разделением ответственности между партией, законодательными, исполнительными и судебными властями, было сказано с высокой партийной трибуны. Каждая из них претерпит внутренние модификации, чтобы быть на уровне новых требований демократизации. Партия должна обновиться, вернуть первозданную чистоту благородным помыслам, доказывать каждым своим словом и поступком право быть политическим руководителем общества. А законы пусть пишет наш парламент, исполнительную власть вершит правительство, а правосудие творит суд.

Словом, мы твердо вступили на путь разделения властей. И надо пройти по нему до логического конца.

Редакция предполагает, что высказанная в этой статье точка зрения на роль и взаимодействие основных звеньев политической системы не единственная из возможных, и надеется, что и читатели выскажут свое мнение.

Владимир Бурлачков

ИНФЛЯЦИЯ

Эти заметки — о ценах и деньгах, об их взаимосвязях и обусловленностях. О том, что с ними было, есть и будет. Последнее конечно же занимало автора более всего.

Еще совсем недавно в нашей печати всякое упоминание об инфляции непременно сопровождалось уточнениями вроде «в мире капитала», «в странах Запада» и т. д. Ныне положение дел таково, что это понятие все чаще звучит и в разговорах о нашей экономике.

Нет человека, чьи интересы не затрагивала бы инфляция. Это явление всеохватывающее и одинаково опасное для каждого. Об инфляции следует знать, как и о требованиях пожарной безопасности, правилах дорожного движения или о СПИДе.

Суть явления

В самом широком смысле инфляция — это обесценение денег, когда на их определенную сумму, будь то рубль или десятка, по прошествии какого-то времени можно купить меньше, чем ранее, товаров. Цены и деньги — эти два первичных атома экономики, соединяемые в молекулу при всякой покупке, находятся в строгой взаимозависимости.

В. К. Бурлачков — кандидат экономических наук.

Повышаются цены — дешевеют деньги. Падение покупательной способности денег, не скорректированное с уровнем доходов, означает снижение уровня жизни.

Наше нынешнее понимание инфляции сложилось во времена, когда это явление протекало в своем классическом виде: деньги обесценивались из-за чрезмерного их выпуска в обращение. Такая разновидность инфляции распространена в некоторых странах и сейчас. Но в мире накоплен большой опыт борьбы с инфляцией, или, как ее часто называют, политики дефляции. Денежная масса в обращении в большинстве стран находится под контролем государственных органов, и данные о ней регулярно публикуются. Если она и растет, то во взаимосвязи с увеличением валового национального продукта (ВНП). Ведь именно его оборот обслуживают деньги. И чем больше ВНП, тем больше должна быть денежная масса.

Но даже тогда, когда денежная масса остается стабильной, цены все равно растут и, следовательно, деньги обесцениваются. Дело в том, что деньги не являются основным и единственным фактором в инфляционном процессе. Главными причинами роста цен часто оказываются политика монополистических объединений и структурные изменения в экономике.

Инфляция, вызванная избыточной денежной массой, наблюдается в развивающихся странах; инфляция, при которой основную роль в росте цен играют монополии, а денежный фактор лишь создает для этого соответствующие условия, распространена в промышленно развитых капиталистических государствах.

А что у нас? В нашей экономике инфляционные процессы протекают и под воздействием избыточного выпуска денег в обращение, и под влиянием по сути своей монопольного положения производителей в подавляющем большинстве отраслей экономики. У нас — и то, что в развивающихся странах, и то, что в развитых. И то и другое. Если с 1971 по 1985 год количество денег в обращении возросло в 3,1 раза, то производство товаров народного потребления за тот же период — в 2 раза (см.: Материалы июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1987. С. 65). Разница между темпами увеличения денежной массы и ростом производства товаров народного потребления показывает нагрузку на станки, печатающие бумажные деньги.

В нашей экономике инфляция заявляет о себе ростом средних розничных цен, несмотря на административный характер их установления; увеличением цен на колхозном рынке, «черным рынком» и ценами на нем, отражающими товарный дефицит.

Было время, когда сам факт скрытого повышения средних цен приходилось доказывать. В последнее время об этом пишут, и немало. Ныне речь идет об изучении причин этого явления.

Согласно классической экономической теории, по мере роста производительности труда стоимость, а следовательно, и цены должны снижаться. Однако в жизни это происходит разве что с такими товарами, как гармоники и нитяные чулки. О последних современная молодежь, наверное, и слыхом не слыхивала. Цены же на все прочие товары, даже не слишком быстро раскупаемые, неуклонно ползли вверх.

В определенном плане это закономерно. В условиях ускорения научно-технической революции потребительские свойства товаров быстро совершенствуются. Если бы в течение длительного времени производился один и тот же товар без всяких изменений, его цена должна была бы снижаться. Выпускай мы до сих пор телевизор марки

«КВН», цену на него следовало бы уменьшить. Изменение же потребительских свойств продукции фактически равнозначно выпуску нового товара.

Но каждый из нас может привести немало примеров того, что с новой ценой выпускается старый товар, всего лишь перекрашенный или переупакованный. Вот здесь и приходится говорить о второй причине скрытого роста цен, быть может даже более важной, чем первая,— монополизации производства определенного товара ограниченным кругом изготовителей.

В период, когда в нашей стране только создавались многие отрасли промышленности, считалось, что строительство параллельных предприятий, конкуренция между ними означали бы потерю сил и средств и обернулись прямым убытком для общества.

Однако со временем стала очевидна негативная сторона такой структуры нашей экономики. Монопольное положение производителей определенных видов изделий, отсутствие состязательности приводят к замедлению темпов научно-технического прогресса, к застою.

В качестве основных методов взвинчивания цен наши доморощенные монополисты используют либо завышение материальных и трудовых затрат на изготовление продукции, либо создание новых изделий с совершенно ненужными потребительскими свойствами и фактически навязывают их покупателю. Конечно, это сделать легче, чем поработать над улучшением основных качественных параметров изделий.

Еще одно, хотя и косвенное, следствие монополизации — дефицит особо нужных товаров и существование обширного «черного рынка».

Получается так, что каждое предприятие занято производством продукции своего ассортимента, имеет планы ее выпуска, с выполнением которых увязаны фонды зарплаты и материального стимулирования. Изготовлять продукцию, хотя и дефицитную, но не предусмотренную заданиями, предприятия не могут и не хотят. Не могут потому, что производство каждого вида изделий закреплено за каким-то конкретным поставщиком. А не хотят потому, что поступления средств в их фонды материального стимулирования уже фактически запланированы в зависимости от заданий по выпуску определенной продукции. Поэтому устранять дефицит некому. Им могут заниматься лишь те, кто обязан это делать по заданиям плановых органов.

С переходом на новые формы хозяйствования определенные предпосылки для снятия этого противоречия появляются. В новых условиях предприятие будет заинтересовано в прибыли, а следовательно, и в расширении производства. Для того чтобы оно захотело выпускать «чужой» дефицит, необходимы помимо формального разрешения и материальные стимулы — повышенная рентабельность изделий. Но в условиях монопольного положения на рынке всегда легче под тем или иным предлогом увеличить цены на собственную продукцию, чем браться за выпуск изделий, закрепленных за другим поставщиком.

Из истории денег

Вполне вероятно, что инфляция непосредственно связака с особенностями современных денег. Дело в том, что те деньги, которые мы получаем в зарплату и которыми расплачиваемся за все, исторически развивались на основе двух начал.

Еще в древности в ходе развития товарного обмена из мира товаров выделились благородные металлы — не только как очень красивые и редкие, но как обладающие постоянными физическими свойствами и потому наиболее удобные для посреднических функций при торговых сделках. В стоимости благородных металлов измерялась стоимость всех прочих товаров. Благородные металлы превратились в деньги. Много позже неудобное и весьма дорогое обращение золотых денег было дополнено обращением бумажных денежных знаков, выпускаемых государством.

Уже в эпоху капитализма на основе кредита стала развиваться еще одна форма денег — кредитные деньги. Банки учитывали векселя (долговые документы) своих клиентов и под их обеспечение выпускали в обращение банкноты, обмениваемые на золото по первому требованию. Со временем их выпуск стал прерогативой специально уполномоченных банков.

До первой мировой войны в обращении всех промышленно развитых стран находились и казначейские билеты, и разменные на золото банкноты. В последующий период размен банкнот на золото повсеместно прекратился. По существу, произошло срастание бумажных и кредитных денег.

В России золото стало основой денежной системы позже, чем в других странах,— лишь в 1897 году. До этого в стране равноправно обращались два благородных металла — золото и серебро.

В последнее десятилетие XIX века, в период относительно спокойного царствования Александра III, правительство начало осуществлять мероприятия по подготовке денежной реформы. Их основной задачей было накопление значительного золотого запаса. Одним из его источников стал экспорт русской пшеницы. Вот тогда-то министр финансов (кстати сказать, известный ученый-механик) А. И. Вышнеградский и сказал: «Недоедим, но вывезем».

Помимо золотой монеты и кредитных билетов в обращении находились медные и серебряные монеты. Последние выпускались двух видов — банковские (достоинством в 1 рубль, в 50 и 25 копеек), а также разменные (20, 15, 10, 5 копеек). Банковский серебряный рубль содержал серебра по его тогдашней цене на сумму, равную 67 копейкам, а рубль из разменной монеты — на 33—34 копейки. В одном медном рубле было меди по ее рыночной цене всего на 20 копеек.

В этих довольно странных соотношениях между номиналом монет и ценой содержащегося в них ценного металла скрыта глубокая историческая закономерность. В ходе развития производства и обмена деньги с реальной стоимостью постепенно вытеснялись деньгами-суррогатами, имеющими стоимость, меньшую в сравнении с их номиналом, или не имеющими ее вовсе (бумажные деньги) и не обмениваемыми на золото.

Кстати сказать, большой опыт замены полноценных денег на суррогаты имелся у нас в России. По указу царя Алексея Михайловича для финансирования войны против Польши и Швеции из пуда меди, стоившего 5 рублей серебром, чеканилось медных монет на 312 рублей. Расходы покрывались медными деньгами, а в уплату налогов принимались только серебряные. В результате резко повысились цены. Восстание московского люда, недовольного инфляцией, получило название Медного бунта.

Если бы обмен одного товара на другой производился лишь посредством благородных металлов, размеры товарного обращения, а вместе с ним и всего промышленного и сельскохозяйственного производства ограничивались объемами добычи золота и серебра. К тому же монеты в обращении стираются и теряют вес, а потому их использование при расчетах обходилось весьма дорого.

В России обмен банкнот на золото был приостановлен сразу после начала первой мировой империалистической войны, в 1914 году. Так же поступили и все прочие воюющие страны. Но в нашем денежном обращении после этого золото больше уже не появилось никогда.

Война требовала денег. Никаких золотых запасов для их обеспечения не хватило бы. Печатные станки заработали с полной нагрузкой. С начала мировой войны по март 1917 года количество кредитных билетов в обращении увеличилось более чем в 4 раза; покупательная способность рубля составила лишь около 27 довоенных копеек, а за время пребывания у власти Временного правительства она упала до 6—7 довоенных копеек.

Бурные события захватили сферу денежного обращения в первые годы Советской власти. В условиях сокращения налоговых поступлений выпуск денежных знаков превратился в главный источник доходов госбюджета. С ноября 1917 по июль 1921 года масса денег в обращении возросла в 119 раз, а цены увеличились в 7912 раз. С июля 1921 по декабрь 1922 года количество денег в обращении выросло в 850 раз, а цены повысились в 263 раза (см.: Наше денежное обращение: Сборник / Под ред. Л. Н. Юровского. М.: Финансовое изд-во, 1926. С. 9, 11, 15, 20).

С переходом к нэпу, с налаживанием рыночных связей инфляция стала нетерпимой. На основании декрета СНК от 11 октября 1922 года в обращение была выпущена новая валюта — билеты Государственного банка, или червонцы. В последнее время в нашей печати утверждалось, что червонец был золотой денежной единицей. На самом же деле он на золото не обменивался. В декрете специально оговаривалось, что начало размена банковских билетов на золото будет установлено в дальнейшем специальным законодательным актом (там же, с. 25). Но такого акта не последовало.

И все же связь с благородным металлом червонец имел. Его эмиссия (выпуск в обращение) должна была обеспечиваться золотом и устойчивой иностранной валютой не менее чем на 25%. Правда, некоторое количество золотых монет — червонцев было отчеканено, но в обращение они практически не попали.

Восстановление денежного обращения в нашей стране в 1922—1924 годах шло теми же путями, что и в других государствах, переживших во время мировой войны разгул инфляции. В тот период переход от золотой валюты к валюте, имеющей частич-

ное золотое обеспечение, стал явлением повсеместным. Система частичного обеспечения банкнот благородным металлом существовала во всех экономически развитых капиталистических державах.

Анализируя советскую денежную систему, С. Г. Струмилин писал: «Фактически наша валюта ровно ничем — кроме разве наименования рубля «золотым» — не связана с этим металлом» (Струмилин С. Г. На плановом фронте. 1920—1930 гг. М.: Политиздат, 1958. С. 114).

Действительно, в нашем народном хозяйстве в начале 20-х годов даже при наличии капиталистических элементов сложилась такая денежная система, в которой золото перестало играть главенствующую роль. Произошла демонетизация благородного металла, то есть утрата им статуса денег. Социалистическое обобществление производства позволило организовать денежное обращение не на золотой, а на кредитной основе. Но ни в 20-х годах, ни позднее этот факт не был правильно осмыслен теоретически. Из него были сделаны выводы не о развитии денежной формы стоимости, а о свертывании товарно-денежных отношений.

В 1925 году в «Трактате о денежной реформе» выдающийся буржуазный экономист Дж. Кейнс назвал золото варварским пережитком. Денежные системы капиталистических стран, по его мнению, вполне могли бы обходиться без благородного металла. События последующих десятилетий подтвердили правоту Кейнса. Сначала золото было вытеснено из внутреннего денежного обращения отдельных стран, а позже — из сферы международных расчетов. В январе 1976 года на международном совещании по валютным вопросам капиталистические государства приняли решение отказаться от золотого содержания своих валют. В конце 70-х — начале 80-х годов казначейство США и Международный валютный фонд распродали на аукционах значительную часть своих золотых запасов.

В наше время на золото никто ничего не покупает и не продает. Желтый металл реализуется на бирже, как все прочие товары. Выражение «плачено золотом» ныне не более чем метафора. Золотые монеты чеканятся лишь в расчете на нумизматов и вкладчиков капитала. Даже в условиях частной собственности масштабы обобществления производства позволили отказаться от использования желтого металла в качестве денег и перейти к более дешевым и удобным кредитным орудиям обращения. Но конечно же демонетизация не превращает золото в бросовый товар. Цена благородного металла на мировом рынке в течение последнего двадцатилетия резко возросла. Золото превратилось наряду с такими реальными ценностями, как антиквариат, драгоценные камни, предметы искусства, в объект вложений денежных капиталов.

Хотя демонетизация желтого металла в нашей экономике в 20-х годах явилась вполне закономерным процессом, она имела и негативные последствия. Оторванность бумажно-денежной массы от золота таила в себе постоянную угрозу инфляционного разбухания. Стали необходимы особые, строгие меры контроля за состоянием денежного обращения. Однако в нашей послереволюционной истории контроль за денежной массой слишком часто бывал недостаточным.

Негативные явления в сфере денежного обращения начали проявляться со второй половины 20-х годов. Индустриализация потребовала существенного увеличения расходов государственного бюджета. По этой причине возросла денежная эмиссия. Начался рост цен.

Годы первой пятилетки стали годами бурного развития инфляционного процесса. С 1929 по 1932 год выпуск денег в обращение возрос в 3,4 раза. Покупательная способность рубля в первом полугодии 1932 года снизилась по сравнению с 1927—1928 годами на 60% (Атлас З. В. Социалистическая денежная система. М.: Финансы, 1969. С. 263, 256).

Инфляционные тенденции неоднократно проявлялись в нашей экономике и в последующий период, в том числе на рубеже 70—80-х годов. В условиях административного установления розничных цен эти тенденции выражались в росте базарных цен и расширении «черного рынка».

В середине прошлого века канцлер английского казначейства Уильям Гладстон сказал, что даже любовь не сделала стольких людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег. Но природа современных денег далеко не во всем ясна. В вузовских учебниках до сих пор пишут, что при социализме деньгами является золото. В общем, дискуссии о деньгах продолжаются.

Экономика: погода на завтра

Но вернемся к разговору о нынешнем состоянии нашей экономики.

В октябре прошлого года произошло событие, которого давно ждали экономисты: впервые за несколько десятилетий на сессии Верховного Совета СССР была названа величина дефицита государственного бюджета — 36,3 миллиарда рублей. (Правда, 1988. 28 октября.) Впрочем, тут же выяснилось нечто весьма удивительное: Минфин почему-то

отнес на статьи доходов 63,4 миллиарда рублей, заимствованных государством у кредитной системы. До этого случая превращать долги в доходы не умел ни один финансовый гений.

В этих условиях реально ставить задачу не преодоления дефицита, составляющего почти 100 миллиардов рублей, а лишь ликвидации прямых выбросов избыточных денег в обращение, которые не менее опасны для экономики, чем выбросы атомных реакторов для природы и человека.

А есть ли в нашей экономике такие факторы, которые потенциально могли бы препятствовать развитию инфляции! В общем-то, есть. Прежде всего это превращение потребителя в контролера за ценами и качеством продукции. Но при такой степени монополизации производства конкретных изделий, которая сложилась к настоящему времени в нашей экономике, контроль потребителя осуществиться просто не может, и принцип «бери, что дают» неизбежно останется главным в хозяйственных взаимоотношениях. Отсутствие действенной конкуренции, борьбы за покупателя будет создавать в экономике тупиковую ситуацию.

Для того чтобы конкуренция эффективно противодействовала росту цен, необходима широкая программа разукрупнения промышленных объединений, своего рода антитрестовское законодательство. Короче, хотя и не совсем серьезно, говоря, мы должны на нынешней стадии развития нашей экономики перейти от государственно-монополистического социализма к социализму свободной конкуренции.

Разумеется, было бы абсурдным ставить вопрос о разделе на несколько предприятий, скажем, автозавода имени Лихачева или АЗЛК. Но к примеру, у нас в Москве имеются объединения швейных фабрик, каждая из которых выпускает готовую продукцию, а также различные «тресты по ремонту», объединяющие мастерские и конторы. Если бы их удалось разукрупнить, от конкуренции между ними потребители только выиграли бы.

Сейчас много толкуют о модернизации промышленности на основе широкого использования передовой техники и технологии. Но определенный парадокс состоит в том, что внедрение новой техники приводит не к снижению, а к росту затрат. И дело даже не в том, что само новое оборудование нуждается в отладке, а люди, занятые его эксплуатацией, должны быть обучены и работе на этой технике, и тому, как ее ремонтировать. Все обстоит гораздо серьезнее. Новая техника и технология обходятся предприятию дороже, чем вытесняемый ими живой труд. Внедрять новое и передовое зачастую экономически просто невыгодно. На это пока толкают не соображения экономии, а либо нехватка рабочей силы, либо административный нажим со стороны министерств. В течение длительного времени зарплата в нашей стране находилась на низком уровне, живой труд недооценивался. Поэтому использование новой техники в массовых масштабах приведет к росту затрат и, соответственно, цен.

Все это дает основания считать, что в ближайшем будущем в нашей экономике сложится комплекс инфляционных факторов. Это и дефицитность государственного бюджета, вызывающая излишнюю денежную эмиссию, и высокая степень монополизации производства, и последствия технического перевооружения.

На наш взгляд, для противодействия необоснованному росту цен должна быть разработана целая программа антиинфляционных мероприятий, рассчитанная как минимум на две пятилетки.

Основными пунктами такой программы могли бы стать: преодоление дефицитности государственного бюджета; разукрупнение промышленности, прежде всего той, которая выпускает товары народного потребления; совершенствование государственного контроля за динамикой цен.

Ликвидация дефицита государственного бюджета будет процессом весьма болезненным. Возможно, придется не просто увеличить доходы государства, в том числе и такими методами, как повышение налогов с населения, в частности налогообложение наследств, но и сократить некоторые расходы, например на оборону и содержание аппарата управления.

Поэтому вполне вероятно, что всем нам придется отвыкать от экономики с относительно стабильными ценами и мириться в течение определенного времени с изменчивыми ценами. Конечно, это не безболезненно. Но ведь цены не всегда рвутся вверх из, так сказать, эгоистических устремлений. Иногда ими движет необходимость восстановления попранной справедливости эквивалентного обмена. Впрочем, еще предстоит научиться отличать обоснованное праведное повышение цен от неправедного, с одним бороться, другое принимать как неминуемую плату за модернизацию народного хозяйства и расплату за ошибки прошлого. Ведь и техническое перевооружение, и переход к интенсивному типу экономики, толчком к которому является удорожание природного сырья, следовало бы осуществить давным-давно.

Многие возразят: «Что еще за расплата! Мы старались, работали, делали свое дело. С какой стати нам за что-то и за кого-то расплачиваться!!» Но если разобраться, речь идет не о чьих-то чужих грехах, а о наших собственных. Слишком мало в последние десятилетия мы вникали в то, что происходит в нашем государстве.

Сейчас мы начинаем жить и работать по иным принципам, чем раньше. Еще не так давно каждый получал зарплату за работу на своем рабочем месте и его не очень интересовало состояние дел даже на соседнем участке. Теперь фонд оплаты хозрасчетного звена определяется работой каждого. Если даже один только цех не справится с заданием, выплаты из фондов материального стимулирования недополучат работники других цехов. Поэтому в условиях хозрасчета придется интересоваться общим ходом дел на предприятии, контролировать деятельность администрации. Кстати говоря, администрация, как правило, пока что не стремится посвящать рабочих в то, как и из каких источников формируются их зарплата и премии. Не отгрузили, к примеру, продукцию вовремя, не выполнили договорные обязательства — и заплатили штраф... за счет фондов материального стимулирования, тем самым уменьшив премии всем своим работникам. Понятно, что рассказывать об этом на производственном совещании и называть потерянные суммы для администрации малоприятно. Вот здесь и должен проявиться контроль со стороны советов трудовых коллективов.

Но интересоваться во имя личного благополучия делами лишь на своем предприятии — тоже мало. Необходима глубокая заинтересованность каждого и в состоянии экономики страны. Инфляция, с ускорением которой мы в скором времени, возможно, столкнемся, есть расплата и за нашу пассивность в делах государства. Но расплачиваться за прошлое должны в равной мере все, без привилегий для кого бы то ни было.

Демократизация нашей жизни означает широкий общественный контроль за мерой труда и мерой потребления. Его разновидность — контроль за взаимосвязью цен и доходов. Эффективный механизм такого контроля нам необходимо создать.

Изменения цен не должны приводить к снижению нашего жизненного уровня. И здесь трудно переоценить правдивую и полную статистическую информацию, и прежде всего широкую публикацию данных о динамике средних цен с учетом изменений в ассортименте выпускаемых товаров. Но самое главное — введение законодательных мер, обеспечивающих увеличение доходов населения при росте средних цен. Всякое удорожание в конкретных группах товаров должно компенсироваться ростом доходов населения. Крайне нужны и данные о прожиточном минимуме — о том, какова месячная сумма цен товаров, без которых человек просто не может обойтись.

Конечно, трудностей в определении прожиточного минимума предостаточно: в некоторых крупных городах люди покупают мясо и масло в магазинах государственной торговли, а в большинстве мест — в потребительской кооперации, на колхозных рынках. Поэтому прожиточный минимум будет значительно различаться по областям. Ну что тут поделать! Что есть, то есть. Придется считать по отдельным регионам.

Различные товары играют разную роль в потреблении конкретных групп и слоев населения. Одни группы больше покупают мяса и масла, другие вынуждены ориентироваться на потребление хлеба, макаронных изделий, овощей. Поэтому очень нужна развернутая статистика доходов конкретных слоев населения.

Ныне просто нельзя понять, почему не публикуются индексы средних цен, почему и, главное, от кого до сих пор засекречены данные о массе денег в обращении, о золотом запасе государства, о внешнем долге.

Как известно, не так давно были приняты важные решения об усилении государственного контроля за ценами. Они предусматривают стимулирование производства недорогих товаров для детей и пенсионеров, упорядочение использования предприятиями временных надбавок к действующим ценам, а также договорных цен. Была поставлена задача разработки экономических методов воздействия на процесс ценообразования в кооперативном секторе.

Широкое использование мер государственного контроля за ценами предопределено особенностями переживаемого экономикой страны периода, который, по сути своей, является переходным. Административно-командное управление экономикой ныне ослаблено, а экономические методы еще не заработали. Да и ситуация в народном хозяйстве такова, что рыночное саморегулирование пока невозможно.

В этих условиях государственному контролю за ценами нет альтернативы. В противном случае инфляция будет разрастаться.

Но следует сознавать, что жесткий контроль, как и всякое запретительство, не может ликвидировать негативное явление, а лишь воздействует на его протекание. Поэтому наряду с административным управлением ценами необходимо осуществление мероприятий по созданию реального рынка изделий производственно-технического назначения и потребительских товаров, рынка как совокупности продавцов и покупателей, способных свободно, а не по спускаемым сверху разнарядкам распоряжаться производимой продукцией.

Впрочем, даже такой рынок потребует воздействия на цены со стороны государства. Но осуществляться оно должно исключительно экономическими методами. Модель такого управления ценами фактически выверяется сейчас на практике в кооперативном секторе.

Меры, которыми нам следует обезопасить свое благосостояние от инфляции,— в конечном счете меры социальной защиты, в их осуществлении заинтересовано все общество. Но это не снимает вопроса о контроле за эффективностью таких мер. Ответить на него в том духе, что все должно замыкаться на государстве, было бы недостаточно точно.

Контроль за взаимосвязью цен и доходов должен быть поставлен гласно и широко. Поэтому к его осуществлению необходимо привлечь общественные организации, прежде всего профсоюзы и объединения потребителей.

КАКУЮ ДОРОГУ ВЫБИРАЮТ ЭНТУЗИАСТЫ?

Кооперативное движение в Калининграде уже может отметить трехлетний юбилей. Подводя своего рода итоги деятельности кооперативов (а их теперь в городе более 80), нельзя не видеть, что в них работает все больше деловых людей высокой квалификации, умеющих выполнять самые сложные заказы, удовлетворяющие спрос населения; что кооперативы уже могут активно влиять на ускорение научно-технического прогресса как в экономике, так и в сфере быта. Но на пути кооператоров все еще немало трудностей. И приходится только удивляться их изобретательности, которая позволяет, несмотря ни на что, давать широкий ассортимент товаров и услуг.

Львиная доля продукции кооператива «Энтузиаст», о котором пойдет речь, служит здравоохранению: он выпускает популярный у населения ипликатор Кузнецова.

О работе кооператива «Энтузиаст», его проблемах, трудностях журналист Ф. МИХАЙЛОВ побеседовал с председателем кооператива инженером В. А. ГОЛЕМБЕВСКИМ.

На одном из московских рынков я как-то увидел детали ипликатора, который предстояло потом собрать в домашних условиях. Признаюсь, это меня расстроило, потому что стоили детали недешево, да и работа предстояла нелегкая. А ваш кооператив выпускает полностью готовое изделие и по вполне доступной цене. Расскажите о нем.

Ипликатор Кузнецова, который мы выпускаем, представляет собой полотно, на котором закреплены розочки-иголки, изготовленные из высококачественных пластмасс.

Применение ипликатора — это своего рода массаж, позволяющий снимать стрессы. Комиссия Минздрава дала ему добро. По моему убеждению, ипликатор должен быть в каждой семье. Применяя его наряду с другими спортивно-профилактическими средствами, человек может поддерживать здоровое самочувствие. По всем вопросам, связанным с пользованием ипликатором, кооператив обеспечивает клиентам квалифицированные консультации.

За минувший год выпущено свыше 20 тысяч ипликаторов. Доходы от их реализации и оказанных услуг составили свыше 250 тысяч рублей. Только в ноябре и декабре в казну государства от нас поступило 10 тысяч рублей.

Мы производим и другую весьма нужную продукцию.

Насколько мне известно, кооператив начинал работу с изготовления пластмассовой бижутерии...

Действительно, в договорных кооперативных обязательствах, подписанных с исполкомом горсовета, он значился как предприятие, выпускающее именно эту продукцию. Был определен ассортимент изделий, нашли источники сырья — отходы пластмасс «большой» промышленности, отправляемые обычно на свалку, а мы их покупаем. На выпуске бижутерии мы проверили свою способность выполнять более сложные заказы населения. Но в то же время отдавали себе отчет в том, что, не имея разнообразного сырья, ценных металлов, интересных художественных разработок, не сможем завоевать рынок, а потому смело пошли на пересмотр договора и переориентировались на выпуск ипликаторов. Члены кооператива руководствовались не только чисто экономическими соображениями. Хотелось приносить настоящую пользу людям.

Опытные образцы продукции, изготовленные нашими умельцами, получили высокую оценку. Дополнительных затрат не потребовалось: оборудование и сырье, принципы работы с ним остались прежние.

Мне, человеку далекому от медицины, все же трудно поверить в чудодейственные свойства ипликатора. Хотелось бы подробнее ознакомиться с его функциональностью.

Ипликатор Кузнецова — это профилактико-лечебный, активизирующий, тонизирующий, обеспечивающий работоспособность человека прибор. С его помощью снимаются боли и дискомфортность в мышцах. В инструкции, подготовленной врачами-специалистами, дается подробное описание прибора и способа его использования.

Но вот что еще надо сказать: в некоторых письмах, полученных нами, указывается, что люди ожидали от применения ипликатора гораздо большего, чем оказалось на практике. Но как показала проверка, проведенная нашими специалистами, ипликатор неправильно применяли. Отсюда вывод: желающим приобрести ипликатор следует проконсультироваться со своим лечащим врачом.

А можно ли получить такую консультацию в вашем кооперативе?

Можно. Мы открыли и оборудовали лечебно-профилактический центр. Здесь с пациентами занимаются два кандидата наук, несколько квалифицированных медицинских работников среднего звена: проводят процедуры и знакомят, как использовать ипликатор в домашних условиях. Практически всем, кто к нам обращается, ипликатор хорошо помогает. Но я еще и еще раз подчеркиваю, что люди, страдающие специфическими заболеваниями, должны прежде всего посоветоваться с врачом, хотя от пользования ипликатором хуже никому не становится.

Было бы неверным представлять ипликатор как некое универсальное средство для лечения всех без исключения заболеваний. Ипликатор по его воздействию можно сравнить с массажем, иглоукалыванием, баней. Скорее всего, это профилактическое средство для тех, кто стремится постоянно поддерживать свой высокий жизненный тонус. Вы ведь, кажется, уже испытали на себе эффект его воздействия у нас...

Да, после 45 минут процедуры в вашем центре я будто обновился. Конечно, в домашних условиях, без квалифицированной помощи, сразу таких результатов не достигнешь. Однако дорого ли стоят ваши консультации?

За сеанс мы берем не больше пяти рублей. Возможно, услуги несколько подорожают, так как мы намерены произвести переоснащение профилактического центра: поставим ЭВМ, дадим пациентам более совершенные рекомендации и разработки. Профилактико-консультативный центр будет расширен, для работы в нем придется привлечь новых врачей-консультантов, что позволит консультировать 35—40 человек в день.

Ваш кооператив называется «Энтузиаст», в чем мне видится определенный смысл. И дело здесь поставлено серьезно, кооператоры дорожат своей маркой. Но все же какие проблемы кооперативного движения волнуют вас сейчас?

Эти проблемы известны, и я не скажу ничего нового. Главные проблемы — материально-техническое обеспечение кооперативов и получение необходимой информации. Вот факты. В апреле — мае 1987 года нам отказали в сырье — отходах текстиля, в результате чего пришлось ликвидировать швейный цех и уволить 16 кооператоров. Из-за проволочек с поставкой оборудования для выпуска изделий из пластмассы более двух месяцев мы не могли выдать людям зарплату. Заказали восемь литейных установок, а дали нам только две, остальные получали в течение двух с лишним лет. Известно, что одна такая установка стоит 2 тысячи рублей, а с нас берут по 5 тысяч. И еще. Решили мы было организовать у себя научно-технический отдел, который смог бы выполнять заказы и для других кооперативов, обратились за разрешением в исполком Калининградского горсовета, но вот уже три месяца оттуда никакого ответа. Это приводит не только к материальным, но и к моральным издержкам. Как всем нам мешает волокита, не хватает деловитости, взаимного доверия!..

Сейчас в городе создан и начал действовать кооперативный информационный центр, который налаживает контакты с ведомствами, предприятиями и организациями. Дел здесь тоже непочатый край, но важно отрабатывать проблемы реально.

Меня беспокоит и влияние кооперативов на решение социальных вопросов города. Я имею в виду не только отчисления кооперативов в социальный фонд, но и разрешение за счет этого особо острых вопросов города. Взять, к примеру, обеспечение города хлебом. На сегодняшний день у нас неважно обстоит дело с хлебобулочными изделиями. Почему бы за счет кооперативных налогов не сделать ряд кооперативов по выпечке хлеба? Или не создать спортивно-оздоровительные кооперативы? Эти вопросы кооператоры в состоянии решить в тесном взаимодействии с советскими органами.

Вы говорите, что ежемесячно в вашу кассу, точнее на ваш текущий счет в банке, поступает 200 тысяч рублей? А как обстоит дело с заработком членов вашего кооператива? И вообще, каково его финансовое состояние?

Во-первых, у нас нет кредитной задолженности, во-вторых, все работающие в кооперативе получают приличную заработную плату.

Например, если не секрет?

Секрета не может быть. Заработок у большинства членов кооператива, работающих на сборке ипликаторов, 250—300, у тех, что на станках,— до 500 рублей. Работа нелегкая, а заработок — по труду.

Владимир Андреевич, не опасаетесь ли вы, что упадет спрос на вашу продукцию или вы окажетесь в такой ситуации, как в мае 1987 года, когда кооператив остался без сырья для швейного цеха?

Думаю, что ничего подобного не случится, если мы будем внимательно следить за конъюнктурой на рынке и позаботимся о резерве сырья и материалов.

Хотелось бы ознакомить вас с некоторыми письмами, которые мы получаем от своих клиентов. В. Г. Нагибнева из города Заполярный Мурманской области пишет: «Прошу выслать наложенным платежом ипликатор Кузнецова — 500 модулей по адресу:...» А вот письмо москвички М. В. Петраковой: «С 1976 года страдаю поясничным радикулитом. После одного сеанса применения ипликатора почувствовала себя значительно лучше. Спасибо вам, дорогие!» «Уважаемые работники кооператива,— говорится в письме из Хабаровска.— Мучаюсь болями в позвоночнике много лет. Очень прошу выслать ипликатор с расстоянием между остриями шипов 6—8 мм и 4—6 мм — для снятия боли в суставах и мышцах. Будьте здоровы! Успеха, удачи вам в таком важном для населения деле!»

Множество таких писем приходит со всех концов страны. К сожалению, заявки мы не в состоянии удовлетворить сразу, так как их очень много. Поэтому уверен, что позапрошлогодняя ситуация нам не угрожает. К тому же я не случайно сказал о портфеле идей. Это тоже резерв предприятия.

И «секрет фирмы»?..

Есть. Он, пожалуй, тоже не мешает в нынешние времена.

Ваши планы на будущее?

Я уже говорил: расширение деятельности лечебно-профилактического центра с установкой ЭВМ, переход на трехсменную работу и перевод производственного коллектива в новое помещение.

Я о другом, Владимир Андреевич: есть ли в вашем деловом портфеле наметки на производство другой продукции, точнее — расширение ассортимента на случай конкуренции со стороны других предприятий?

Без этого нельзя вести дело. Есть такое понятие — предприимчивость. Оно обязывает заниматься вопросами повышения производительности труда через механизацию и автоматизацию производства, снижение производственных затрат, улучшение качества продукции. Не последнее место занимает и «портфель идей». Ими преждевременно делиться не стоит даже с друзьями. Вам по секрету скажу, что должны перейти на выпуск ипликатора новой конструкции, которая в несколько раз повышает эффективность нынешнего. Но для этого нам нужно помещение или земельный участок, чтобы самим построить производственный корпус. Но время идет, а исполком горсовета молчит.

Возможно ли снижение цен на вашу продукцию?

Это зависит от повышения производительности труда, снижения себестоимости. Вопрос окончательно прояснится после того, как мы закончим установку оборудования в новом помещении...

И напоследок. Трудностей было много, но они-то как раз, пусть не покажется вам странным, и укрепили нашу веру в то, что кооперация — дело нужное и важное.

Сегодня мы твердо стоим на ногах и в завтра смотрим без страха. Только вот покоя нет. Да он нам и ни к чему. Помните, какое у нас название?..

В № 1 «Горизонта» на стр. 15 19-ю строку снизу читать: Всесоюзный научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт оборудования нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности.

Вячеслав Басков

ФОРМУЛА ВЫСВОБОЖДЕНИЯ

В первых двух номерах этого года «Горизонт» коснулся проблем нерационального распределения рабочей силы в стране в целом и в Москве в частности (см. статьи И. Бестужева-Лады «Москва глазами социолога» и А. Нуйкина «Зато у нас нет безработицы!»).

Повышение эффективности производства авторы этих публикаций, как и ведущие политологи, экономисты, связывают с обязательным высвобождением значительного числа людей, вынужденных менять работу или профессию. Однако многие из тех, кто оказывается в подобной ситуации, справедливо могут считать, что нарушается их право на труд в его конституционном выражении (включая право на выбор профессии, род занятий), что теряет оно свою гарантированность. Как же тогда: «Все во имя человека, для блага человека»! Устаревший лозунг!

Публикуя статью журналиста Вячеслава Баскова, редакция предлагает читателям взглянуть на проблему и с этой стороны, задуматься над судьбой тех, кого «уйдет» хозрасчет...

Сокращение штатов — это кошмар. В учреждение еще не пришел приказ о сокращении, ходят только тревожные слухи, но уже никто не работает. У людей, особенно творческих и малотиражных профессий, пропадает аппетит, сон; одни женщины чаще взглядывают на себя в зеркало, другие, наоборот, забывают причесаться, мужчины срываются на детях... Но даже если человеку обычно легко найти другую работу и его ждут чуть ли не за любой дверью, сама процедура сокращения и ожидание ее крайне унизительны: предощущение, что вам в лицо заявят о вашей ненужности, стойко вынести дано не каждому.

Сокращения штатов были всегда. Правда, не все были доведены до победного конца. Рассказывают, например, что много лет назад, когда на высоком уровне было принято решение о сокращении в театрах (к драматическим актерам раньше относились как к нахлебникам рабочих и крестьян, последствия этого актеры чувствуют и сейчас), так вот, то сокращение, еще не начавшись, внезапно закончилось: говорили, что какая-то актриса, предназначенная режиссером к «ликвидации», поскольку он ее уже давно «не видел», ликвиднулась добровольно, оставив малютку сына. Вероятно, именно с тех пор чересчур нервных и впечатлительных актеров стараются «не трогать». Однако это не значит, что в Министерстве культуры СССР дремлют. Несколько лет там разрабатывалась сложная система, направленная на уменьшение числа «нахлебников», вечно сидящих на дотации государства. Новинка получила не вульгарное, режущее слух название — «сокращение», а мягкое, научное — «эксперимент». Эксперимент по выявлению творческих возможностей; через каждые пять лет актеров, словно бы они народные депутаты, выбирают на должности актеров. Выборами, естественно, заняты не зрители, которые в искусстве ничего не смыслят. Эта ответственная работа поручена местным художественным советам. Актер, которого товарищи по работе не выбрали на должность актера, в целях успешного проведения эксперимента остается без работы.

Сейчас, когда вы читаете эту статью, в театрах заняты не столько постановкой спектаклей, сколько экспериментом. В тех самых театрах, которых в стране осталось меньше, чем было до войны. И которых к концу нашего тысячелетия — в соответствии с тщательно выверенными планами Министерства культуры СССР — все равно не прибавится.

— Помните английских ткачей? — философски спросил меня в разговоре начальник Управления трудовых ресурсов и подготовки кадров Госкомтруда СССР Юрий Алексеевич Клейменов.— Новая технология освобождает от труда большие группы людей, но приносит горе каждому человеку в отдельности...

А разве у нас создавалась подобная ситуация? Разве актеров заменяли роботы? Открылись магазины самообслуживания, придуманные не столько для удобства покупателей, сколько для сокращения численности продавцов, а продавцов в них стало гораздо больше, чем в магазинах с прилавками. На АЗЛК, ЗИЛ и другие столичные предприятия, оснащенные, как нам внушают, отнюдь не примитивными ткацкими станками, вдобавок к постоянным рабочим привозили десятки тысяч лимитчиков. Для них построены многоэтажные и многоквартирные общежития. С прекращением лимита предприятия было впали в апатию: на АЗЛК даже пошли на сокращение ИТР, предложили людям с высшим техническим образованием поменять свою профессию на рабочую. Но разжалованные инженеры завода не спасли, и теперь общежития обжиты рабочими по оргнабору. Другие же московские предприятия, обладающие ультрасовременной западной технологией, как, скажем, швейное объединение «Москва», прибегли к подмоге и вовсе... иностранных рабочих. Так что правильная теория о том, будто бы новая технология неизбежно освобождает от труда большие группы людей, в нашей жизни применения почему-то не нашла.

Нынешнее грандиозное сокращение штатов, объяснял Юрий Алексеевич, не имеет ничего общего со всеми предыдущими. Оно вызвано переходом на новые формы хозяйствования. На хозрасчет. Но почему хозрасчет лишает людей работы решительнее, чем даже новая технология? Многие люди свою работу любят. Для иных она — призвание, дарованное самой природой. Тов. Клейменов тут же на листочке бумаги вывел мне формулу неизбежности сокращения штатов при переходе на хозрасчет. Расклад такой: запланировано, что к 2000 году производительность труда должна вырасти в 2,4 раза, а национальный доход — в 2 раза. 2 делится на 2,4 и получается 0,83. Эта цифра — коэффициент необходимой рабочей силы. Если сейчас в цехе трудится 100 человек, то к 2000 году нужно будет 83. Бригада состоит из 10 рабочих — потребуется 8,3 и т. д. К 2000 году, таким образом, предполагается высвободить 16—18 миллионов трудящихся.

Делается это ради того, чтобы изменилось соотношение производственной и непроизводственной сфер. Сейчас оно выглядит так: в производственной занято 73 процента населения, в непроизводственной — 27. Поскольку людей, занятых выпуском самой разнообразной продукции, будет становиться все меньше, то к 2000 году соотношение примет такой вид: 60 процентов останется в производственной сфере, а непроизводственная пополнится до 40.

Несколько слов об управленческом аппарате. В печати фигурирует цифра 18 миллионов человек. Тов. Клейменов пояснил, что в эту крупную цифру входят не только собственно управленцы (их всего 2,6 миллиона), но и министерские секретарши, уборщицы, водители персональных машин и даже, кажется, журналисты вместе с главными

редакторами и их заместителями. Много это или мало? Юрий Алексеевич говорит, что это познается в сравнении. У нас число управленцев к числу населения составляет 2 процента, в США, к примеру, 1 процент, в ФРГ — 0,5, во Франции — 3... Цифры, поясняет он, не точны, важен сам принцип определения достаточности или перенасыщенности народного хозяйства управленческим аппаратом. Считается, что наш аппарат велик. Сокращения проходят и в этом эшелоне. Нет, не сокращения! Ответственный работник Госкомтруда СССР настаивает на термине «высвобождение». Подразумевается: высвобождение для так называемой непроизводственной сферы, где все человеку дается с трудом — и покупка продуктов в магазинах, и ремонт домашней техники, и поездка на автобусе, и билет в кино... Каким образом будет происходить пополнение? Теория хозрасчета и здесь предельно проста. Приходил раньше молодой человек на завод — его сразу направляли в цех. А теперь ему в отделе кадров говорят: у нас при заводе есть химчистка, поди-ка туда, поработай пятновыводителем. Или же: у нас есть клуб, ты играешь на баяне, а там как раз требуется баянист. Каким образом будет обходиться без молодого рабочего сам завод? Тоже очень просто: завод перешел на хозрасчет. Скажем, в бригаде слесарей по штатному расписанию должно быть девять человек, каждый получает в месяц по 250 рублей. Работайте всемером, предлагают им, а зарплату двоих разделите между собой — 71 рубль добавки лишние, что ли? Вот и все.

Постойте, говорю я тов. Клейменову, но кроме молодых людей, впервые начинающих работать, существуют миллионы взрослых, окончивших институты, имеющих профессию, любящих ее. Предложение стать пятновыводителем инженеру-технологу покажется абсурдным. Он не захочет идти в химчистку!

Никакой вопрос Юрию Алексеевичу не кажется сложным. По всей стране вместо бюро по трудоустройству уже созданы центры профессиональной переориентации. Пусть инженер-технолог обратится туда. Центр располагает полной информацией о рабочих местах, которые свободны. Центр устроит инженера на курсы по обучению какой-нибудь другой профессии, нужной новому народному хозяйству. А если учесть, что высвобождаемого о высвобождении предупреждают за два месяца и после еще два месяца выплачивают ему среднюю заработную плату, а в исключительных случаях — даже три, то ему не о чем особенно тревожиться. Кроме того, среднемесячным заработком оплачивается и все время переобучения. Если же человек очень сильно привязан к своей работе, к своей профессии и не желает переучиваться ни на благородного пятновыводителя, ни на баяниста, то центр может предложить ему работу по специальности в другом городе, где специалисты его профиля еще почему-либо требуются. Правда, центры не дают на работу направления: приемом ведают, как и прежде, сами предприятия и учреждения.

Сейчас, продолжает тов. Клейменов, важно другое: поднять престиж профессий непроизводственной сферы. Средства массовой информации до такой степени очернили профессии продавца, слесаря-сантехника, монтера, дворника, приемщицы, что туда никого не тянет. Об этих профессиях теперь надо писать хорошо, очень хорошо, переманивать туда людей, оказавшихся ненужными там, где они сейчас работают. Если же в наших условиях эти профессии восхвалениям не поддаются, то следует заманивать зарубежным опытом. Вот, дескать, смотрите, как работает продавец в обыкновенном американском магазине: покупателей не обсчитывает, не обвешивает, не грубит и в

конце дня не тащит домой полные сумки ворованных продуктов. Приходите на работу в наши магазины!..

— У человека должен быть свет впереди тоннеля! — восклицает Юрий Алексеевич и делает выразительный жест: поднимает руку, заносит над головой и вдруг резко разжимает кулак, растопыривая пальцы — так бьет свет внезапно включенной лампочки, на этот-то брызнувший свет во мраке тоннеля человек и должен уверенно пойти...

По данным Госкомтруда и ВЦСПС, в 1987 году в результате перехода на хозрасчет уже удалось высвободить 1 миллион человек, в 1988 году — точной статистики пока нет — больше 1,5 миллиона...

Мне кажется, что теория хозрасчета как раз опасна тем, что отвечает на любой вопрос. Двадцать вопросов были заданы мной начальнику Управления трудовых ресурсов и подготовки кадров — и он с легкостью ответил исчерпывающим образом на каждый. Это говорит не только о хорошей подготовке начальника управления, но и о том, что теория придумана отлично. Тщательно выверена. В ней все сходится. Так составляется задача для учебника математики с ответом в конце. С той существенной разницей, что автор учебника рассказывает о двух человеках, которые, якобы сами того не зная, движутся навстречу друг другу,— спрашивается, когда они встретятся. А создатели теории хозрасчета, наоборот, двух людей навстречу друг другу направляют. При этом определяют для них место свидания и время, отпущенное им на дорогу. Но двое не хотят туда идти! Они не желают друг друга видеть! Да мало ли важных причин, по которым они отказываются от предписанного им маршрута!

По-видимому, теория рассчитана на то, что если не пойдут эти двое, то найдутся двое других. Народу у нас много. В конце концов, по дороге двинутся лучшие. На худой конец — лучшие из лучших.

В соседнем управлении Госкомтруда точно так же разработали, может быть, даже еще более стройную теорию нового пенсионного обеспечения. Ею предусмотрен размер пенсий. Работники Управления социального обеспечения Госкомтруда СССР не знают, какие цены на товары и услуги будут в ходу через десять лет! Мы не знаем, какими они будут на той неделе! Но размер пенсий в рублях и процентах усиленно определяется уже сегодня: без всякого учета того, на что пожилому человеку придется тратить свою пенсию; устранившись от борьбы за выпуск товаров специально для пенсионеров, за так называемые культурные мероприятия для пенсионеров и проч. Строго говоря, это даже не теория социального обеспечения, а, понимаете, предвидение. Окажется ли оно гениальным, покажет время. Это увидят те, кто доживет до 2000 года. Правда, весь предыдущий опыт прямо-таки вопит о том, что самые умные кабинетные умозаключения, выраженные в таблицах и осененные здравым смыслом, пока не закончились всеобщим благоденствием.

Наверное, бывают такие экономические идеи, которые охватывают весь народ, и он в едином порыве бросается на воплощение их в жизнь. Сказка о таких идеях широко распространена в экономических кругах. «Экономика СССР — единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны. Она базируется на крупном машинном производстве во всех отраслях народного хозяйства и развивается планомерно в интересах наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей народа и каждого члена общества,— окрыленный профессиональным восторгом, писал в 1980 году Л. И. Абалкин, в том самом году, когда экономический развал достиг, кажется, апогея. И продолжал на выдохе, без остановки: — С построением развитого социалистического общества дальнейший прогресс экономики происходит на своей собственной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний».

Я не экономист, просто поставил себя на место хорошего человека, за которого придумали хозрасчет, а теперь сокращают. Какими бы благими намерениями ни руководствовались теоретики нового хозяйственного механизма — более «полное раскрытие созидательных сил» или «полное удовлетворение материальных и духовных потребностей народа»,— между сегодняшним высвобождением и прежними старомодными сокращениями есть одно поразительное сходство: высвобождают самых беззащитных перед коллективом, члены которого между собой ищут, от кого бы избавиться еще, чтобы разделить их зарплату. Охота за дополнительными средствами за счет увольняемых пошла так резво, что специальная рабочая комиссия, созданная из работников Госкомтруда и ВЦСПС и возглавляемая секретарем ВЦСПС Валентином Николаевичем Макеевым, в июле 1988 года выпустила в свет постановление, которым настоятельно попросила при высвобождении более внимательно относиться к женщинам, имеющим малолетних детей, и к людям, которым до пенсии осталось немного,— от них почти повсюду избавляются в первую очередь...

Но из солидных учреждений, где про хозрасчет знают больше всех, шагнем на улицу, где вовсю идет борьба за жизнь. Не в переносном, а в прямом смысле слова. Потому что с переходом Мосжилремэксплуатации, бывшего Главмосжилуправления, на хозрасчет обледеневшие тротуары уже не убирают. Дворников не видно и не слышно. Обычные тротуары опасны для жизни. Два человека могут двигаться навстречу друг другу к месту свидания в заранее оговоренное время, но встретиться в больнице.

С 1 января 1988 года перешла на хозрасчет и московская почта. Трое самоотверженно работают за пятерых. Поэтому найти теперь на улице почтовый ящик — целая проблема: делить между собой чужую зарплату гораздо легче, чем регулярно, в определенные часы вычищать «чужие» почтовые ящики. Те ящики со стен домов просто поснимали, как и не было.

А вот обычная столовая. Например, № 8 Краснопресненского треста столовых, та, что у Белорусского вокзала, единственная на всю округу. По штату здесь должны работать 318 человек, работают 220. В бухгалтерии столовой не скрывают, что тут никакого высвобождения и не было, поскольку общественное питание, как вы понимаете, относится как раз к сфере непроизводственной, пополнением рядов которой так все обеспокоены. В данной столовой не хватало 98 работников; чтобы увеличить себе зарплату, недостающих решили вовсе не принимать, взяли обязательство работать за них. Вот и перешли на хозрасчет. В столовой есть зал-бистро. В нем 20 столиков на 80—100 мест. В зале едят только трое. Зато вдоль стены, в очереди к раздаче,— хвост: я насчитал в тот полдневный час 45 голодных. Почему очередь почти не движется? Директор столовой в своем традиционном белом халате и пыжиковой шапке, лежа локтями на столе и не поднявшись со стула, парирует:

— Деньги достают медленно!

Но покупатели деньги достают очень быстро! А вот единственный

кассир пробивает чеки крайне медленно. Почему же в единственной столовой у многолюдного Белорусского вокзала всего один кассовый аппарат? Может быть, зарплату непринятого на работу второго кассира получает именно директор? Почему бы с переходом столовой на хозрасчет не взять еще одного кассира, чтобы вовсе не стало в столовой очередей? Но тогда вместо 98 зарплат в столовой останется 97...

Заместитель начальника Главобщепита Мосгорисполкома Олег Васильевич Глущенко сообщил мне, что все 9 тысяч столичных столовых, кафе и ресторанов переведены на хозрасчет еще с июля 1987 года. «Высвобождены» полторы тысячи работников, которых, как в столовой № 8, никогда и не было. О переходе на хозрасчет отчитались мертвыми душами. Вместе с тем бегство живых из системы общепита продолжается: в 1988 году система получила 700 кондитеров — все 700 теперь пекут пирожки и торты в кооперативах. Что дал хозрасчет? Возросла зарплата у героически оставшихся...

Николай Владимирович Пухов, заместитель начальника Главмосбыта, ведающий ремонтно-строительными трестами, проектными бюро и мебельщиками, отдал дань хозрасчету той же монетой: высвободил для народного хозяйства мертвые души, то есть вечно недостающие кадры строителей, проектировщиков, специалистов по изготовлению и ремонту мебели. Их зарплате нашли лучшее применение...

Надежда Сергеевна Карпушкина, начальник финансово-экономического управления того же Главмосбыта, когда я разговаривал с ней, уточнила, что отрасль перешла на хозрасчет на полгода позже общепита. Но за это время 3700 швей-мастериц последовали примеру 700 кондитеров и теперь, не ведая печали от примерок и капризов заказчиков, шьют по лекалам плащи и куртки в кооперативах. В прачечных работать тоже некому, хотя зарплаты у всех высокие. На помощь высокооплачиваемым одно время присылали пациентов ЛТП, но у них все из рук валилось. Поэтому самим работникам Главмосбыта установлены теперь планы стирки белья: они по очереди дежурят в московских прачечных. Перешел на хозрасчет и славный завод Мосремчас, но терпит нестерпимые убытки, потому что на часовых заводах тоже хозрасчет и там появились собственные ремонтные мастерские. Что дал хозрасчет? Ну, как вы не понимаете: зарплата у всех повысилась!..

Почему-то на улице хозрасчет оказался совсем не таким, как о нем говорили в тихих кабинетах Госкомтруда СССР и ВЦСПС. Начать с того, что совершенно неясно, зачем перешла на хозрасчет сфера обслуживания. По идее она должна остаться открытой для притока свежих сил. Может быть, сейчас какой-нибудь несчастный кандидат наук как раз переучивается в центре профессиональной переориентации на пятновыводителя. Но в химчистке его не возьмут: у нас, скажут, уже есть один, по штату нам было когда-то положено трое, но и один справляется. Тот, что пришел устраиваться, неизвестно, останется ли, а тот, что получает за троих, обидится, если у него отнимут часть зарплаты, и тоже уйдет...

Еще больше неясностей с «овладением новыми формами хозяйствования» в сфере управления. В Госплане должно было остаться приблизительно 1200 человек, после перехода на хозрасчет оказалось почти 2 тысячи. Выяснилось, что там произошла реорганизация, вследствие чего мелкие подразделения слились с более крупными... Реорганизовался Моссовет: без всякой видимой пользы для городского хозяйства вместо управлений вдруг появились главные управления, вместо главных — комитеты: строительный, торговый... Эти новые

образования, говорят, получили статус министерств. А зачем городу иметь свои министерства? Но, поскольку сейчас не столько работают, сколько решают сложные задачи, связанные с переходом на хозрасчет, то простыми вопросами не задаются.

Прилавки галантерейных магазинов снизу доверху завалены кусками мыла, на которые покупатели взирают с любопытством: они никогда не предполагали, что кусок мыла может стоить 1 (один) рубль. А на соседней полочке лежит мыло и вовсе за рубль двадцать. Это фабрика перешла на хозрасчет и зарабатывает зарплаты не только тем, кто там работает, но и мертвым душам, которые не работают, однако, за которых тоже охота получать зарплаты.

Таким образом, высвобождение 2,5 миллиона человек (помните, в 1987 году их был 1 миллион, в 1988-м — еще полтора) — в значительной степени фикция, поскольку высвобождение из непроизводственной сферы шло не в людях, а в штатных единицах. Эти цифры — ложь, одна из тех, к которой все мы давно привыкли. Что-то вроде хлопкового изобилия или выборов из одной кандидатуры.

Главным достоинством хозрасчета все называют повышение благосостояния трудящихся. Но если в бригаде было девять человек, а осталось семь, то семеро свое благосостояние, безусловно, повысили, зато двое его лишились начисто. Вообще же судьба высвобожденных, несмотря на то, что число их приближается к 3 миллионам, пока почему-то неизвестна. Статистических данных о них нет. Уже упоминавшийся секретарь ВЦСПС Валентин Николаевич Макеев мог поделиться со мной лишь личными впечатлениями на этот счет. По его наблюдениям, значительного обогащения сферы обслуживания людьми не произошло. Из тех, от кого избавились и кто существует реально, приблизительно 10—15 процентов ушли на пенсию, 10—15 перешли в кооперативы (в Главмосбыте и общепите жалуются, наоборот, что туда сбегают те, кого не прогоняли), остальные остались там, где и работали. Только их перевели на другие места. Тов. Макеев привел и более конкретный пример. Произошло высвобождение 200 сотрудников Министерства электротехнической промышленности СССР: 50 человек ушли на заслуженный отдых, 100 человек перешли на работу в отраслевые производственные объединения, 50 оказались непосредственно на производстве. Однако ни один из 200 не встал к станку — 150 работающих занимают по-прежнему руководящие посты...

Хозрасчет с его запланированным высвобождением 16—18 миллионов человек может обойтись и без этой крайней меры. Люди должны повысить производительность труда на своих рабочих местах. Но как это сделать при нынешней организации производства? Предполагалось, что высокие заработки побудят людей трудиться лучше. Неужели и правда есть экономисты, которые верят, что если, например, шоферу автобуса будут платить не 400 рублей в месяц, а 1000, то автобусы будут ходить чаще? На транспорте введены талончики. Автобусный, троллейбусный и трамвайный парки получают выручку и доход, минуя водителя, потому что талончики продаются повсюду. Водитель искусственно выключен из производственного процесса. Пропали критерии для оценки его работы! Раньше таким критерием были билеты, из каждой поездки водитель привозил выручку, отчитывался за нее. Талонная система водителя обезличила. Сколько пассажиров он перевез? Перевозил ли вообще? Сколько сделал рейсов? При безликой талонной системе ни на один из этих жизненно важных вопросов ответить просто невозможно. Даже в работе дворника сохранился показатель: «коэффициент трудового участия» можно вывести по умень-

шающейся куче песка, смешанного с запрещенной солью. А водитель автобуса, выходит, получает высокий оклад только за то, что устроился на работу. Назовите систему хозрасчетом или пятилеткой качества, но если отсутствует четкий производственный процесс, система даст самый неожиданный результат, например острую нехватку «трудовых ресурсов», или, наоборот, вдруг откуда ни возьмись появится масса лишних людей, выпадающих из производственного процесса.

Конечно, эпоха «лишних людей» после эпохи дефицита рабочей силы кажется приятной. Но она обманчива. Не бывает и не может быть лишних инженеров, актеров, ученых, конструкторов, шоферов, врачей... Есть лишняя, ненужная работа. Нехватка людей в сфере обслуживания — это следствие, а не причина. Следствие полного отсутствия организации торговли, индивидуального пошива одежды, ремонта велосипедов, часов, стирки и чистки... отсутствия современных приспособлений для шитья, торговли, готовки еды, уборки улиц. Инженерная служба в непроизводственной сфере существует, распространена там очень широко, но это фикция, ложь и погоня за голым заработком. Возьмите хотя бы, к примеру, работу домоуправлений, которых теперь, правда, не осталось, вместо них организовали жэки, дэзы, рэцы и вовсе не выговариваемые ПЖРО, но, по существу, они все же домоуправления. В этих учреждениях по нескольку инженерных должностей. Именно должностей, своим французистым эпитетом дающих право на приличный оклад. Однако никакой инженерной — то есть изобретательской, аналитической, организационной — деятельности домоуправления не ведут. Даже обязанности по поддержанию квартир в порядке самим жилищным законодательством возложены не на инженеров, а на жильцов. Текущие краны, ржавеющие трубы, продуваемые оконные стекла, урчащие унитазы — неотъемлемое свойство жилища советского человека. Инженерные должности прокрались в государственные службы семьи и брака, в бюро по обмену квартир... Не потому ли во время массового перехода на хозрасчет именно инженеры, которые почему-то вечно не при деле, в числе первых попали в разряд «лишних людей»?

— Их у нас перепроизводство,— убежденно сказал тов. Клейменов из Госкомтруда.

— Их у нас перепроизводство,— слово в слово, не сговариваясь, повторил тов. Макеев из ВЦСПС.

Должно быть, мы уже обогнали Америку, раз не чаем избавиться от инженеров. И от актеров, и от ученых, и от журналистов... Словом, первым делом от людей, которые не только используют достижения прогресса, но и призваны двигать его вперед. В самой мысли о ненужности специалистов, возможно, есть экономическое зерно, но истины в ней нет. Потому что и не может быть истины в теории, от которой страдает человек.

Скорей всего, с нашими экономистами происходит то же, что с колхозниками: выросло поколение «тружеников полей», которые не знают, когда время сеять и когда время собирать урожай. Экономисты, бывающие за границей, видят, как ладно устроена хозяйственная жизнь в Венгрии, ГДР, Англии, Финляндии, но не понимают, как это у них получается. Они, вероятно, серьезно думают, что хорошую жизнь там тоже придумали в кабинетах и выразили формулой, к которой не придерется ни один математик.

Математиков, кстати, тоже высвобождают, чтоб они к 2000 году заиграли на баяне.

«Горизонт» продолжает публикацию материалов по истории гласности в нашей стране.

В январском номере было напечатано открытое письмо (1929 г.) тульского крестьянина Михаила Новикова правительству о губительных последствиях «разных кампаний, в ударном и неударном порядке», проводимых в деревне по «раскулачиванию» и «повышению урожайности».

Статьи Лидии Чуковской, публикуемые в этом номере,— документы иного времени — второй половины 1960-х годов. Времени, когда процесс десталинизации, начатый XX и XXII съездами партии, окончательно был сведен на нет, и, напротив, очевидной сделалась тенденция замолчать преступления Сталина; когда полные обороты набрала машина лжи и демагогии, деформировавшая сознание общества и искоренявшая его память о «неудобных» событиях и явлениях прошлого; когда в немилости вновь оказались человеческое достоинство и независимость мысли и преступлением стало правдивое слово. Слово есть «дело», отчего и карали за него более жестоко, чем за «дело»...

...Немного о конкретных обстоятельствах, послуживших появлению открытых писем Лидии Чуковской.

Первые два связаны с печально известным судом над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Они были арестованы в сентябре 1965 года. И обвинялись в том, что под псевдонимами публиковали за рубежом свои произведения.

Суд состоялся 10—14 февраля 1966 года, но примерно за месяц до него в газете «Известия» появилась статья Дм. Еремина (бывшего главного редактора журнала «Советская литература» на иностранных языках), в которой содержалась очевидная попытка спровоцировать «гнев народа» и тем самым повлиять на решение суда.

Соавтор письма Лидии Чуковской против статьи Дм. Еремина — поэт и прозаик Владимир Корнилов.

Процесс Синявского и Даниэля возмутил мировую общественность. Появились и письма-протесты представителей интеллигенции внутри страны. В частности, шестьдесят три литератора (среди них Павел Антокольский, Вениамин Каверин, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, Корней Чуковский, Виктор Шкловский, Илья Эренбург) предложили взять Синявского и Даниэля на поруки. Как бы отвечая на эти попытки заступничества, писатель Михаил Шолохов посвятил процессу Синявского и Даниэля немалую часть своего выступления 1 апреля 1966 года на XXIII съезде партии.

В своей речи он сказал:

«Мы называем нашу советскую Родину матерью. Все мы — члены одной огромной семьи. Как же можем мы реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: «В семье не без урода». Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку!

Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась.

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев».

После этого Шолохов обратился к сидящим в зале делегатам Советской Армии:

«Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора. Здесь я вижу делегатов от парторганизации родной Советской Армии. Как бы они поступили, если бы в каком-либо из их подразделений появились предатели?! Им-то, нашим воинам, хорошо известно, что гуманизм — это отнюдь не слюнтяйство».

Ответом на эту речь явилось открытое письмо Лидии Чуковской Михаилу Шолохову. Посланное в редакции нескольких газет и в несколько отделений Союза писателей, письмо это напечатано не было, но сразу же стало широко известно и горячо обсуждалось в самых различных кругах. А. Солженицын назвал его «гордостью русской публицистики».

Третье публикуемое в этом номере письмо Лидии Чуковской — «Не казнь, но мысль. Но слово», написанное в феврале 1968 года,— призыв к гласному общественному обсужденю прошлого.

Актуально звучит этот призыв и сегодня.

Лидия Чуковская

«ПУСТЬ СГИНЕТ НЕМОТА...»

Открытые письма 1966 и 1968 годов

В редакцию газеты «Известия»
Копия: Президиуму Верховного Совета СССР

Уважаемый товарищ редактор!

В номере 10 Вашей газеты от 13 января 1966 года помещена статья Дм. Еремина «Перевертыши».

Молча пройти мимо этой статьи мы не можем.

Приведя несколько цитат из произведений, напечатанных за границей, Дм. Еремин осыпает бранью предполагаемых авторов.

В первой половине статьи он именует А. Синявского и Ю. Даниэля отщепенцами, подонками и хулиганами, затем, уже ближе к концу, «орудием подогревания психологической войны против Советского Союза», и в конце — «подручными тех, кто шурует в топке международной напряженности», кто «хочет холодную войну превратить в горячую».

Статья принесла свои плоды. В номере 14 от 18 января 1966 года помещены читательские отклики — три письма, в которых фамилии Даниэля и Синявского пишутся уже с маленькой буквы. Авторы писем, безусловно, уже без всяких цитат и малейших попыток аргументации, уже без постепенных переходов от беспринципности к хулиганству, от войны психологической к настоящей войне,— прямо и решительно именуют А. Синявского и Ю. Даниэля предателями и изменниками.

За это вреднейшее смещение понятий, за эту подмену и рост обвинений в умах читателей — всецело отвечает Дм. Еремин.

Один из нас никогда и в глаза не видывал ни Ю. Даниэля, ни А. Синявского; другой отдаленно знаком с Ю. Даниэлем. Человеческий облик обоих вообще нам неведом, а литературные работы известны слишком недостаточно для определенного суждения. Нам неизвестно, например, из какого контекста почерпнуты цитаты, приводимые Дм. Ереминым, выражают ли они идеи авторов или мысли персонажей. Таким образом, мы (как, впрочем, все читатели «Известий») не располагаем материалом, позволяющим нам соглашаться или спорить со статьей Дм. Еремина по существу.

Но она глубоко возмутила нас. Духом, тоном, стилем. Используя выражение Герцена, о статье этой можно сказать, что «здесь чернила слишком близки к крови, слова к свинцу».

От авторского словаря и системы мышления разит тем словарем и тем ходом умозаключений, каким отличались газетные статьи в наиболее острые периоды сталинских кровавых облав на людей: годы 37—38, 48—53. Та же грубость выражений, та же опасная игра словами и понятиями.

И самую статью Дм. Еремина, и ее напечатание в «Известиях» — газете, которая еще так недавно призывала соблюдать законность — мы считаем вреднейшей ошибкой.

Прежде всего, статья Дм. Еремина безнравственна. Наносить публичные оскорбления людям, которые в данную минуту находятся в тюрьме и лишены возможности ответить,— неблагородно, низко. Это во-первых. А во-вторых, напечатание статьи Дм. Еремина противоречит смыслу нашего законодательства. В 1964 году, в номере 287 тех же «Известий», была опубликована статья А. Ф. Горкина. Председатель Верховного Суда СССР настойчиво предлагал газетам воздерживаться от опубликования высказываний, «в которых до рассмотрения дела в суде уже признается виновность тех или иных лиц». А. Ф. Горкин квалифицировал подобные высказывания, как попытки давить на суд.

Статья Дм. Еремина — это и есть, на наш взгляд, попытка противозаконного воздействия на суд и на общественное мнение накануне процесса. Ведь суда еще не было, голоса́ прокурора, свидетелей, защитников и самих обвиняемых еще не прозвучали, а читатели, с легкой руки Дм. Еремина, уже гневно клеймят подсудимых, принимая их за осужденных... Клики ненависти и грубая брань — та ли это атмосфера, в которой должны работать беспристрастные судьи?

Кто дал право «Известиям», накануне судебного разбирательства, устами авторов писем называть подсудимых изменниками и предателями, то есть практически подменять собою судей и выносить приговор до суда, выдавая за доказанное то, что как раз и подлежит доказательству?

Мы протестуем против статьи Дм. Еремина как против замаскированного беззакония.

23 января 1966 года

Члены Союза писателей:
Владимир Корнилов
Лидия Чуковская

В Правление Ростовского отделения Союза писателей
В Правление Союза писателей РСФСР
В Правление Союза писателей СССР
В редакцию газеты «Правда»
В редакцию газеты «Известия»
В редакцию газеты «Молот»
В редакцию газеты «Литературная Россия»
В редакцию «Литературной газеты»

МИХАИЛУ ШОЛОХОВУ, АВТОРУ «ТИХОГО ДОНА»

Выступая на XXIII съезде партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как «представитель советской литературы».

Тем самым Вы дали право каждому литератору, в том числе и мне, произнести свое суждение о тех мыслях, которые были высказаны Вами будто бы от нашего общего имени.

Речь Вашу на съезде воистину можно назвать исторической.

За все многовековое существование русской культуры я не могу припомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил

бы сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок.

Но огорчил Вас не один лишь приговор: Вам пришлась не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский. Вы нашли ее слишком педантичной, слишком строго законной. Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а «правосознанием».

Этот призыв ошеломил меня, и я имею основание думать, не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское попрание закона. Настойчивые попытки возвратиться к законности, к точному соблюдению духа и буквы советского законодательства, успешность этих попыток — самое драгоценное завоевание нашей страны, сделанное ею за последнее десятилетие. И именно это завоевание Вы хотите у народа отнять? Правда, в своей речи на съезде Вы поставили перед судьями в качестве образца не то, сравнительно недавнее, время, когда происходили массовые нарушения советских законов, а то, более далекое, когда и самый закон, самый кодекс еще не родился: «памятные 20-е годы». Первый советский кодекс был введен в действие в 1922 году. Годы 1917—1922 памятны нам героизмом, величием, но законностью они не отличались, да и не могли отличаться: старый строй был разрушен, новый еще не окреп. Обычай, принятый тогда: судить на основе «правосознания» — был уместен и естественен в пору гражданской войны, на другой день после революции, но он ничем не может быть оправдан накануне 50-летия Советской власти. Кому и для чего это нужно — возвращаться к «правосознанию», т. е., по сути дела, к инстинкту, когда выработан закон?

И кого в первую очередь мечтаете Вы осудить этим особо суровым, не опирающимся на статьи кодекса, судом, который осуществлялся в «памятные 20-е годы»? Прежде всего литераторов...

Давно уже в своих статьях и публичных речах Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагерях со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — т. е., в сущности, приговор к болезни, а может быть, и к смерти, представляется Вам недостаточно суровым. Суд, который осудил бы их не по статьям Уголовного кодекса, без этих самых статей — побыстрее, попроще — избрал бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады.

Вот Ваши подлинные слова:

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости приговора».

Да, Михаил Александрович, вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании (которых в своей речи Вы почему-то именуете «буржуазными защитниками» осужденных), вместе с левыми общественными организациями Запада я, советская писательница, рассуждаю, осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем не оправданной суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагая взять осужденных на поруки. А мне, признаться, стыдно не за них, не за себя, а за Вас. Они просьбой своей продолжили славную традицию советской и досоветской русской литературы, а Вы своей речью навеки отлучили себя от этой традиции.

Именно в «памятные 20-е годы», т. е. с 1917 по 1922, когда бушевала гражданская война и судили по «правосознанию», Алексей Максимович Горький употреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спасать писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрем и ссылок. Десятки заступнических писем были написаны им, и многие литераторы вернулись, благодаря ему, к своим рабочим столам.

Традиция эта — традиция заступничества — существует в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе ею гордиться. Величайший из наших поэтов, Александр Пушкин, гордился тем, что «милость к падшим призывал». Чехов в письме к Суворину, который осмелился в своей газете чернить Золя, защищавшего Дрейфуса, объяснял ему: «Пусть Дрейфус виноват — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров... и без них много».

Дело писателей не преследовать, а вступаться...

Вот чему учит нас великая русская литература в лице лучших своих представителей. Вот какую традицию нарушили Вы, громко сожалея о том, будто приговор суда был недостаточно суров.

Вдумайтесь в значение русской литературы.

Книги, созданные великими русскими писателями, учили и учат людей не упрощенно, а глубоко и тонко, во всеоружии социального и психологического анализа, вникать в сложные причины человеческих ошибок, проступков, преступлений, вин. В этой проникновенности и кроется, главным образом, очеловечивающий смысл русской литературы.

Вспомните книгу Федора Достоевского о каторге — «Записки из Мертвого дома», книгу Льва Толстого о тюрьме — «Воскресение». Оба писателя страстно всматривались вглубь человеческих судеб, человеческих душ и социальных условий. Не для дополнительного осуждения осужденных совершил Чехов свою героическую поездку на Сахалин, и глубокой оказалась его книга. Вспомните, наконец, «Тихий Дон»: с какой осторожностью, с какой глубиной понимания огромных сдвигов, происходивших в стране, мельчайших движений потрясенной человеческой души относится автор к ошибкам, проступкам и даже преступлениям против революции, совершаемым его героями! От автора «Тихого Дона» удивительно было услышать грубо прямолинейный вопрос, превращающий сложную жизненную ситуацию в простую, элементарнейшую,— вопрос, с которым Вы обратились к делегатам Советской Армии: «Как бы они поступили, если бы в каком-нибудь подразделении появились предатели?» Это уже прямо призыв к военно-полевому суду в мирное время. Какой мог бы быть ответ воинов, кроме одного: расстреляли бы. Зачем, в самом деле, обдумывать, которую именно статью Уголовного кодекса нарушили Синявский и Даниэль, зачем пытаться представить себе, какие именно стороны нашей недавней социальной действительности подверглись сатирическому изображению в их книгах, какие события побудили их взяться за перо и какие свойства нашей теперешней современной действительности не позволили им напечатать свои книги дома? Зачем тут психологический и социальный анализ? К стенке! Расстрелять в 24 часа!

Слушая Вас, можно было вообразить, будто осужденные распро-

страняли антисоветские листовки или прокламации, будто они передавали за границу не свою беллетристику, а, по крайней мере, план крепости или завода... Этой подменой сложных понятий простыми, этой недостойной игрой словом «предательство» Вы, Михаил Александрович, еще раз изменили долгу писателя, чья обязанность — всегда и везде разъяснять, доводить до сознания каждого всю многосложность, противоречивость процессов, совершающихся в литературе и в истории, а не играть словами, злостно и намеренно упрощая и тем самым искажая случившееся.

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения, в этом его недостаток, с моей — достоинство. И однако, я возражаю против приговора, вынесенного судом.

Почему?

Потому, что сама отдача под уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга — беллетристика, повесть, роман, рассказ — словом, литературное произведение, слабое или сильное, лживое или правдивое, талантливое или бездарное, есть явление общественной мысли и никакому суду, кроме общественного, литературного, ни уголовному, ни военно-полевому, не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не тюрьмы и лагеря.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы, в самом деле, поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама Вам отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника,— к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят этот приговор от Вашей головы.

25 мая 1966 года

В газету «Известия»

НЕ КАЗНЬ, НО МЫСЛЬ, НО СЛОВО

К 15-летию со дня смерти Сталина

В наши дни один за другим следуют судебные процессы: под разными предлогами — открыто, прикрыто и полуприкрыто — судят слово, устное и письменное; судят книги, написанные дома и напечатанные за границей; судят журнал, напечатанный на родине, но не в типографии; судят сборник документов, изобличающих беззаконие суда; судят выкрик на площади в защиту арестованных. Слово подвергают гонению как бы для того, чтобы еще раз подтвердить старую истину, полюбившуюся Льву Толстому: «Слово — это поступок». Наверное, слово и в

самом деле поступок, и при этом сокрушительный, если за него дают годы тюрьмы и лагеря, если целыми годами, а то и десятилетиями, не в силах пробиться на свет, к читателю, великая поэзия и великая проза — романы, поэмы, стихи, повести — насущно необходимые каждому. Я бы сказала: необходимые как хлеб, но на самом деле своей пронзительной правдой они нужнее, чем хлеб. И быть может, потому, что слово истины не в силах прозвучать, сделаться книгой, а через книгу и душой человеческой, что оно насильственно загнано внутрь, остановлено — быть может, потому с такой остротой ощущаешь искусственность, фальшивость, натянутость иных напечатанных, легко достигающих читателя слов.

Попалось мне недавно в журнале одно маленькое стихотворение. Оно сильно задело меня. Незначительное само по себе, оно выражает строй мыслей и чувств, весьма распространенных сегодня и при этом глубоко ложных.

Начинается оно тревожащим сердце вопросом:

Несчетный счет минувших дней
Неужто не оплачен? —

а кончается утешающим выводом:

И он с лихвой, тот длинный счет,
Оплачен и оплакан.

Утешительность вывода — она-то и задела меня. Меньше всего нужны нам сейчас утешения и больше всего разбор прошлого, бередящий память и совесть... Если поверить автору, в нашем нравственном балансе, после всего пережитого всё, слава богу, обстоит благополучно: концы сведены с концами. О чем же еще говорить?

А говорить есть о чем. Отношением к сталинскому периоду нашей истории, вцепившемуся когтями в наше настоящее, определяется сейчас человеческое достоинство писателя и плодотворность его работы.

Бывают счета неотвратимые — и в то же время неоплатные. Писать об оплаченном счете, когда речь идет о нашем недавнем прошлом,— кощунство. По какому это прейскуранту могут быть оплачены Норильск и Потьма, Караганда и Магадан, подвалы Лубянки и Шпалерной? Как и чем оплатить муки и гибель каждого из невинных — а их были миллионы! — почем с головы? И кто имеет право сказать: счет оплачен? Пожалуй, уж лучше бы нам не браться за счеты! Оплатить такой счет — это вообще никому не под силу по той простой причине, что человечество не научилось воскрешать мертвых.

А кто оплатит обманутую веру людей в заветные пять слов: «у нас зря не посадят»? веру: если Иваны Денисовичи сидят за решеткой — стало быть, они в самом деле враги. Надо сознаться, великолепно работала в прошлом машина провокации — радио, собрания, газеты,— столь четко и бесперебойно, что, случалось, даже честные люди становились ожесточенными гонителями невинных. Жены отрекались от мужей, дети от отцов, друзья от лучших товарищей. Ведь они, эти обманутые, тоже в своем роде жертвы... Жертвы организованной лжи. Неприменимы ли к ним слова, сказанные о других временах:

— Что ж, мученики догмата, вы тоже — жертвы века!

Чем же оплатить массовое, организованное душевредительство, разврат пера, распутство слова? Казалось бы, если и можно, то только одним: полнотой, откровенностью правды. Но правда оборвана на полуслове, сталинские палачества вновь искусно прикрываются завесой тумана. Она плотнеет у нас на глазах.

Жажда самой простой, элементарной справедливости осталась неутоленной. Вдовам погибших выданы справки, что мужья их были арестованы понапрасну и посмертно реабилитированы за отсутствием состава преступления. Хорошо. Такие же справки — об отсутствии состава — выданы тем из заключенных, кому посчастливилось уцелеть. Отлично. Они вернулись. Но где же те, кто был причиной всего пережитого? Те, кто изобрел составы преступлений для миллионов людей? Те, кто фабриковал одну за другой фантастические повести под названием «следственное дело»? Те, кто давал приказ чернить осужденных в газетах? Кто эти люди, где они и чем заняты сегодня? Кто, когда, где подсчитал их преступления, совершавшиеся обеспеченно, спокойно, методически — изо дня в день, из года в год? И им, этим преступникам, какие и кем выданы справки?

Видимо — никем, никакие, иначе не случалось бы, что изданием стихов ведает человек, повинный в гибели поэтов; что на торжественном заседании в президиуме красуется писатель, который писал преимущественно доносы; что пенсию за труды праведные получает седовласый, почтенный старец, в прошлом — губитель Вавилова или Мейерхольда... Туман, туман!

Счет оплакан, говорится в стихотворении. Правда, пролились океаны слез. Но лились они украдкой, в подушки... День железнодорожника, День летчика, День танкиста — а где же День Траура по невинно замученным? Где братские могилы, памятники с именами погибших, кладбища, куда родные и друзья могут в поминальный день приходить открыто плакать с венками и букетами цветов? Где, наконец, списки тех, кто заказывал доносы, тех, кто исполнял эти заказы, тех, кто... но довольно. Над могилами уместны тишина и скорбь.

Нет, не об отмщении речь, я не предлагаю зуб за зуб. Месть не прельщает меня. Я не об уголовном, а об общественном суде говорю. Потому что хотя доносчики, палачи, провокаторы вполне заслужили казнь, но народ наш не заслужил, чтобы его питали казнями.

Пусть из гибели невинных вырастет не новая казнь, а ясная мысль. Точное слово.

Я хочу, чтобы винтик за винтиком была исследована машина, которая превращала полного жизни, цветущего деятельностью человека в холодный труп. Чтобы ей был вынесен приговор. Во весь голос. Не перечеркнуть надо счет, поставив на нем успокоительный штемпель «уплачено», а распутать клубок причин и следствий, серьезно и тщательно, петля за петлей, его разобрать... Миллионы крестьянских семей, тружеников, выгнанных на гибель, на Север, под рубриками «кулаки» и «подкулачники». Миллионы горожан, отправленных в тюрьмы, в лагеря, а иногда и прямо на тот свет под рубриками «шпионы», «диверсанты», «вредители». Целые народы, обвиненные в измене и выгнанные с родных мест на чужбину.

Что же привело нас к этой небывалой беде? К этой совершенной беззащитности людей перед набросившейся на них машиной? К этому невиданному в истории слиянию, сплаву, сращению органов государственной безопасности (ежеминутно, денно и нощно, нарушавших закон) с органами прокуратуры, существующей, чтобы блюсти закон (и угодливо ослепшей на целые годы),— и, наконец, с газетами, призванными защищать справедливость, но вместо этого планомерно, механизированно, однообразно извергавшими клевету на гонимых — миллионы миллионов лживых слов о ныне разоблаченных матерых подлых врагах народа, продавшихся иностранным разведкам? Когда и как оно совершилось, это соединение, несомненно самое опасное изо всех химических соединений, ведомых ученым? Почему оно стало возможным? Тут огромная работа для историка, для философа, для социолога. А прежде всего для писателя. Это главная сегодняшняя работа — и притом безотлагательная. Срочная. Надо звать людей, старых и молодых, на смелый труд осознания прошедшего, тогда и пути в будущее станут ясней. И нынешние суды над словом не состоялись бы, если бы эта работа оказалась проделанной вовремя.

Убийство правдивого слова — оно ведь тоже идет оттуда, из сталинских окаянных времен. И было одним из самых черных злодейств, совершаемых десятилетиями. Утрата права на самостоятельную мысль затворила в сталинские времена дверь для сомнения, вопроса, вопля тревоги и отворила ее для самоуверенной, себя не стыдящейся многотиражной и многорупорной лжи. Ежечасно повторяемая ложь мешала людям узнать, что творится в их родной стране с их согражданами,— одни не знали простодушно, по наивности, другие оттого, что им очень уж не хотелось знать. Тот же, кто знал или догадывался, тот обречен был молчать под страхом завтрашней гибели — не каких-нибудь там неприятностей по службе, безработицы или нужды, а обыкновенного физического истребления.

Вот какой великий почет был в ту пору оказан слову: за него убивали.

...На могилах погибших, сказала я, должна вырасти не новая казнь, не казнь их губителей, а ясная мысль. Какая же? Может быть, эта?

Уж раз мы выжили...
Ну что ж,
Судите, виноваты!
Все наше: истина и ложь,
Победы и утраты,
И срам, и горечь, и почет,
И мрак, и свет из мрака...

Нет, не эта. Рассуждение соблазнительное, но принять его нельзя. Оно служит запутыванию клубка, а не попытке его распутать. Истина и ложь не близнецы, и никому не удавалось быть мраком и светом зараз. В каждом конкретном жизненном положении кто-то светил, а кто-то гасил свет. И хуже: кто-то был злодеем, а кто-то жертвой.

Мы были молоды, горды,
А молодость — из стали,
И не было такой беды,
Чтоб мы не устояли,
И не было такой войны,
Чтоб мы не победили.
И нет теперь такой вины,
Чтоб нам не предъявили.

Здесь две неправды. Во-первых, такая беда, перед которой мы не устояли и от которой не спасли страну, была. Имя ей — сталинщина. Это раз. Что же касается вин, которые теперь будто бы кто-то, где-то, кому-то предъявляет, то хотелось бы знать: кто, где и кому? О винах, предъявляемых сегодня нашему вчера, что-то не слыхать... Приняли, подхватили:

Да, все, что с нами было,—
Было!

И глубже ни шагу.

А между тем изо всего, что «с нами было — было», естественно растет ясная простая мысль. Она известна всем с изначальных времен, но нам придется воспринять и усвоить ее заново. Столетие назад Герцен изо дня в день повторял ее в «Колоколе»: без свободного слова нет свободных людей, без независимого слова нет могучей, способной к внутренним преобразованиям страны. «Громкая, открытая речь одна может удовлетворить человека»,— писал Герцен. «Только выговоренное убеждение свято»,— писал Огарев. Молчание же для них — синоним рабства, «склонение головы». Герцен писал о «сообщничестве молчанием». «Немота поддерживает деспотизм».

Судебные процессы последних лет — и последних месяцев — вызвали среди людей разных возрастов, разных профессий громкий отпор. В нетерпимости к сегодняшним нарушениям закона сказывается наболевшее негодование людей против самих себя, какими они были вчера, и против вчерашних тисков. За молодыми плечами нынешних подсудимых нам, старшим, видятся вереницы теней. За строчками рукописи, достойной печати и не идущей в печать, нам мерещатся лица писателей, не доживших до превращения своих рукописей в книги. А за сегодняшними газетными статьями — те, вчерашние, улюлюкающие вестники казней.

«Освобождение слова от цензуры» — таков был один из девизов «Колокола». В последний раз «Колокол» вышел сто лет назад — в 1868 году. Столетие! С тех пор цензура сделалась менее зримой, но всепроникающей. Она располагает десятками способов, не прибегая к красному карандашу, заживо схоронить неугодную рукопись.

Пусть же сбудется освобождение слова от всех кандалов, как бы они ни назывались. Пусть сгинет немота — она всегда поддерживала деспотизм.

А память пусть останется вечной, неистребимой, вопреки будто бы оплаченному счету. Память — драгоценное сокровище человека, без нее не может быть ни совести, ни чести, ни работы ума. Большой поэт — сам воплощенная память. Приведу строки того поэта, который не пожелал расстаться с памятью не только при жизни, но и за порогом смерти:

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

Память о прошлом — надежный ключ к настоящему. Перечеркнуть счет, дать прошедшему зарасти бурьяном путаницы, недомолвок, недомыслей? Никогда!

Впрочем, если бы нам и изменила память, сегодняшние суды над словом и сухой треск газетных статей донесли бы до нас знакомый запах прошлого угара.

Но сегодня — это сегодня, не вчера. «Сообщничество молчанием» кончилось.

Февраль 1968 года

Гонорар за эти статьи Лидия Чуковская и Владимир Корнилов передают оргкомитету Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» (счет 700241 в Ленинградском отделении Жилсоцбанка г. Москвы).

Оттепель

Застой

Владислав Старчевский

Плюс-минус дерево

Если вам доведется побывать на месте будущей стройплощадки, обратите внимание на деревья, которые угораздило тут вырасти. На одних вы сможете заметить нанесенный краской знак «—», на других «+». Первый означает, что дерево будет вырублено, второй — что его следует пересадить. На иных стволах может встретиться буква «с», которая свидетельствует: это дерево строители должны сохранить и даже огородить на время работы, чтобы ненароком не повредить. Хотя такая охранная грамота отнюдь не гарантирует жизнь «зеленому другу»...

Среди больших и маленьких иллюзий, которыми еще недавно жил наш «образцовый коммунистический город», была наивная вера в то, что самая зеленая столица в мире — это Москва. Кинообраз шумящей буйной листвы на улицах как будто подтверждал эту убежденность. А как же иначе? Какая «образцовость», если мы — не «самые»? Уж среди столиц-гигантов, во всяком случае, равных нам по части озеленения нет!

И вдруг оказалось, что равные есть. Более того, иные столицы, как выяснилось, даже превосходят Москву по количеству зелени на столичную душу. И в смысле качества насаждений нам особенно хвастать нечем. И нет законов, запрещающих при любых обстоятельствах трогать особо дорогие зеленые массивы. А как мы ведем статистику? Скажем, считается, что на одного москвича приходится 18 $м^2$ так называемой зелени общего пользования — парков, садов, бульваров и скверов. Очень неплохой показатель. Но в свое время он был достигнут силовым приемом: в эту категорию взяли да включили лесные массивы Сокольников, Битцы и т. д. То есть площади, которые никак нельзя назвать зеленью общего пользования, поскольку во всем мире к ней относят лишь территории, оборудованные для отдыха горожан. Не так давно к Москве присоединились некоторые районы ближнего Подмосковья с их лесами и садами, теперь при желании и эти многотысячные гектары можно делить на количество москвичей. Одно плохо — дышать в центре столицы (и не только в центре) от такой арифметики легче не стало.

Дышать стало труднее.

И москвичи забеспокоились: что-то слишком часто стучат в родном городе топоры и визжат пилы. Ученые кинулись подсчитывать и подсчитали: каждый год в Москве исчезает по парку! Десятки тысяч деревьев валят строители, принимаясь за новые объекты, не отстают дорожники, прокладывая новые магистрали. В ногу с ними шагают газификаторы, водопроводчики, работники Мосэнерго — прежде чем взяться за прокладку или ремонт подземных коммуникаций, эти службы расчищают себе поле деятельности от мешающих тополей, лип и других насаждений. Впрочем, генпланом столицы предусматривалось масштабное озеленение города. Где эти масштабы? Увы, план — это

план, а жизнь — это жизнь. Уже на 5 тысячах гектаров, которые некогда отводились под зеленые насаждения, выросли не березки и дубки, а многоэтажные микрорайоны и другие объекты.

До совсем недавнего времени москвичей уверяли, что ни топор, ни пила не коснутся прилегающих к столице лесов. «Мы не можем лишать Москву ее легких»,— заявляли отцы города.

Теперь об этих словах без конфуза не вспомнишь. Например, близ Бутова и Митина, некогда подмосковных, а сейчас столичных, предполагается заложить жилые микрорайоны, вырубив под корень десятки, а то и сотни тысяч деревьев, в том числе ценных пород, снеся деревушки и дачные участки, разумеется, вместе с их садами...

Но это вокруг. А «внутри», повторим, не лучше, скорее — хуже. Минувший год был для Москвы годом «экологических потрясений», борьбы между теми, кто заносил топор, и теми, кто пытался его остановить. Эти разномасштабные конфликты были весьма громкими. Вспомните, как выплеснулась на страницы газет и телеэкраны борьба жителей Тушинского района за спасение уникальной дубовой рощи, на месте которой решено было построить жилые дома. Митинги, коллективные письма, обвинения в групповом эгоизме, усиленные наряды милиции, ночные бдения противостоящих сил...

А поучительная баталия вокруг предполагаемого строительства нового зоопарка в Битце, где собирались уничтожить почти 45 тысяч деревьев, прикрывая это тезисом о «санитарной рубке»! Моссовет, Главмосархитектура ссылались на то, что зоопарк в Битцевском лесу запланирован давным-давно и, мол, нечего тут спорить. При этом они старались не вспоминать, что именно Моссовет в течение многих лет отдавал под застройку те прилегающие к лесопарку земли, где должны были возвести новый городок для братьев наших меньших: так постепенно зоопарк и оказался сдвинутым в самое сердце Битцы, в район Лысой горы. Понадобились многие месяцы жарких дебатов, несколько экспертиз (прежние, организованные с целью доказать экологическую «безвредность» проекта, проводились, мягко говоря, не слишком тщательно и объективно), чтобы специальная комиссия Моссовета решила все-таки перенести строительство в другое место. Такое, где рождение зоопарка сопровождалось бы не уничтожением, а посадкой деревьев, созданием нового зеленого массива в столице.

Однако радость битцевцев оказалась преждевременной. Главмосархитектура, похоже, решила взять реванш за неудачную атаку на лесопарк. Теперь заговорили о необходимости, с одной стороны, «окультурить» его, а с другой — о прокладке через Битцу... новой автомагистрали! Так что топор еще висит над замечательным московским лесом, его просто переложили из одной руки в другую.

Самый известный, самый затянувшийся конфликт связан, конечно, с Государственным природным национальным парком «Лосиный остров». За его нормальную жизнь бились и бьются тысячи людей, практически вся центральная печать, «Прожектор перестройки». В прошлом году пятилетняя эта борьба увенчалась промежуточной победой — исполкомами Моссовета и Мособлсовета были приняты Положение о национальном природном парке «Лосиный остров» и проект его детальной планировки. Руками добровольных помощников (а по субботам и воскресеньям их съезжаются сюда сотни) заложен парк «Юность Максима», созданы парки «Друзей леса» и «На Будайке», снесено великое множество самостийных огородов, восстановлено почти 200 гектаров нарушенных ландшафтов.

Но одни сажают деревья, другие их рубят. Рубят с благословения исполкома Моссовета и все той же Главмосархитектуры, которые с какой-то прямо лихорадочной спешкой отдают куски охраняемой земли под ведомственные объекты. Сюда, к примеру, намечено перенести летно-испытательный вертолетный комплекс, расположенный пока в Люберецком районе, уже перевели из Митина автобазу Минавтопрома, отвели участок под склады Госснаба СССР и т. д. А уж в том, что новые хозяева не будут щадить деревья да кусты, сомневаться не приходится: не вырубишь — не построишь.

Не менее активно напирают на заповедные земли подмосковные соседи «Лосинки»: Калининград, Щелково, Мытищи. С молчаливого согласия местных властей (а как им возражать, когда сами не прочь отхватить от парка кусок-другой?) незаконные садоводы в явочном порядке вырубают деревья, строят домики и разбивают участки. Среди захватчиков и «рядовые» граждане, и служащие, и даже сотрудники правоохранительных органов. Причем дело не ограничивается примитивными топорами да пилами, корчуют бульдозерами, тащат тракторами, возят самосвалами землю. В районе Щелковского лесхоза, например, уложили 70—80-летние хвойные деревья...

Однако вернемся в центр Москвы. На фоне упомянутых нашумевших баталий в столице случаются истории не столь громкие, хотя не менее болезненные и поучительные.

Вот одна из них. 7 декабря 1988 года для жильцов домов № 1 и 3 по Ростовской набережной грянул гром: они узнали, что начинается сооружение съезда для автотранспорта с Бородинского моста и ради этого полагается снести единственный на всю округу зеленый оазис — сквер площадью 2,5 гектара. И жители решили защитить любимое ими место отдыха, спасти деревья. Они выставили пикеты, преградили путь строительной технике. Строители временно ушли. А надо сказать, что дома эти — кооператив научных работников, среди которых есть и биологи, и экологи, и ученые многих других специальностей. Им не составило труда разобраться, к каким последствиям для загазованного, шумного и бедного растительностью района приведет уничтожение зеленого островка. А также понять, что могут быть альтернативные варианты для разгрузки бурного транспортного потока через Бородинский мост.

И ученые написали письма в Главмосархитектуру, Ленинский райисполком, Моссовет, руководству Мосинжстроя (это объединение ведет строительство объекта) и в ряд других организаций. Что же в ответ?

Начальник управления инженерного оборудования и подготовки территории Главмосархитектуры Ю. Б. Лапин строгим тоном сообщил: построить съезд следовало давно, его пытались включить в планы еще 12—15 лет назад. Что «территория городских магистралей в пределах действующих красных линий не может рассматриваться как свободная озелененная зона, аналогичная дворовой территории». То есть что злосчастного сквера вроде бы и нет, а если есть, то незаконно. А неминуемое уничтожение деревьев объяснил необходимостью... улучшить экологическую обстановку, поскольку транспортный узел на Смоленской площади перегружен, возникают пробки и автомобильные двигатели чадят, работая на холостом ходу. Начальник управления также намекнул на эгоизм местных жителей, поскольку строительство съезда будет вестись в интересах «сотен тысяч москвичей».

Смысл ответа начальника Мосинжстроя А. А. Строева сводился к

тому, что объект в плане, на него выделено объединению 470 тысяч рублей и нечего это дело обсуждать. А заместитель председателя исполкома Ленинского райсовета А. И. Кутачев уже совсем строго потребовал провести «разъяснительную работу с населением, о результатах сообщить в исполком».

Не знаю, каким образом будут проводить предписанные беседы, но знаю другое: если бы этот проект, как и многие другие, вокруг которых разгораются страсти, обсуждался с людьми до того, как загудят бульдозеры, еще на стадии идеи, то, глядишь, и не было бы конфликтов. Потому что интересы «сотен тысяч» складываются из интересов просто сотен, а также десятков и даже отдельных граждан. И альтернативу почти всегда можно найти, о чем свидетельствует история с той же Битцей.

Мы перестали равнодушно смотреть, как валятся под напором человека московские деревья, как исчезают с карты столицы парки и скверы, немногочисленные уже сады. Нас стало интересовать: зачем рубят? кто отдал приказ? кто разрешил? Это нормально, мы начинаем чувствовать себя хозяевами дворов, бульваров, улиц, города.

И письма москвичей, которыми завалены редакции газет и исполкомы, телефонные звонки с тревожными сигналами — это тоже нормально. Хотя, конечно, хлопотно для бюрократа, не привыкшего к тому, чтоб его решения и действия обсуждались.

Но все-таки: зачем рубят? Кто разрешает?

Рубят, как правило, чтобы строить. Бывают, разумеется, санитарные рубки, когда надо удалить больные, старые деревья, дабы не мешали расти здоровым и молодым. Порой рубят те деревья, которые растут ближе положенных 5 метров от дома и застят свет в окнах квартир. Так разъясняли мне в бывшем Управлении лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома, переименованном недавно в Главмосзеленхозстрой, а уже в этом году в МГПО Мосзеленхозстрой. Изменила свой титул и бывшая инспекция управления, с которой строители должны согласовывать свои проекты: теперь она так и называется — отдел согласования проектов. Без визы отдела ни на одной стройплощадке работы начаться не могут.

Исполняющая обязанности начальника отдела Зинаида Петровна Севастьянова рассказала, что в 1988 году ее сотрудники рассмотрели почти 3 тысячи проектов, представленных на согласование, а также примерно 1000 жалоб и писем москвичей. Всего же через отдел прошло около 7 тысяч документов. И знаете, сколько человек работает в отделе? Восемь! До реорганизации и сокращения штатов было 15. Восемь специалистов должны обследовать каждую будущую стройплощадку (а они разбросаны по всей столице), определить, можно ли дать разрешение на вырубку или пересадку деревьев и кустов, есть ли возможность уменьшить потери. Они же должны выезжать на места по каждому тревожному сигналу и по идее следить за тем, не нарушают ли строители разрешенные масштабы вырубки.

Уследить за последними отдельская восьмерка практически не в состоянии. Строители это прекрасно знают и, если решат, что надо свести какое-то число деревьев и кустов сверх лимита, смело берутся за дело. И не спасут насаждения никакие буквы «с» на стволах.

Иногда, правда, лихих «лесорубов» ловят за руку, скажем, с помощью все той же общественности. Какую кару может обрушить на них отдел согласований проектов МГПО Мосзеленхозстроя? О, это страшное наказание! Отдел может составить протокол. И передать его

в райисполком или исполком Моссовета. А уж те накажут со всей строгостью — возможен штраф аж до 50 рублей! Независимо от того, сколько деревьев погубил ретивый прораб или хозяйственник. А ведь 50 рублей — это меньше стоимости одного дерева (кстати, пересадка «зеленой единицы» в зимних условиях обходится в 1,5—2 раза дороже). Так что штрафами никого не испугаешь, тем более что начальство всегда найдет возможность премировать пострадавшего, компенсировать ему материальный и моральный ущерб.

Самовольно рубят, конечно, не только строители. Вот, скажем, автобусный парк № 11 решил обзавестись дополнительной стоянкой для подвижного состава. И заместитель начальника этого хозяйства Л. А. Лашин приказал вырубить энное количество деревьев, как значится в протоколе, «ценных пород (сосны, березы)» на Левобережной улице, а расчищенный кусок заасфальтировать. Когда на место происшествия приехала инженер знакомого нам отдела (о ЧП сообщил кто-то из местных жителей), она увидела сложенные штабелем стволы и девственно чистый асфальт. Как вы догадываетесь, Л. А. Лашина подстерегали все те же 50 рублей штрафа, хотя нанесенный им ущерб в десятки раз больше.

И таких историй я услышал не одну. А уж стройплощадок, где вырубают сверх меры, не счесть.

Но можно ли запретить строительство, если оно погубит, скажем, целую рощу или сквер? Оказывается, можно. И в 1988 году отдел выдал 290 отказов, справедливо считая каждый из них своей победой. Победой, потому что, если заказчик или подрядчик поэнергичнее, с авторитетом и связями, он обязательно кидается наверх, в исполком Моссовета.

В Моссовете есть тоненькая брошюрка с длинным названием — «Порядок оформления и производства работ по строительству, реконструкции и капитальному ремонту зданий, сооружений подземных коммуникаций в г. Москве, обеспечивающий максимальную сохранность зеленых насаждений на участках работ». А в той брошюрке сказано, что «вырубка особо ценных деревьев независимо от их количества может быть допущена в исключительных случаях и только с разрешения исполкома Моссовета». Каждый, естественно, считает свой случай исключительным и добивается нужного решения. К сожалению, многим это удается. Тогда на свет появляется очередное распоряжение исполкома Моссовета с пунктом, начинающимся словами: обязать Мосзеленхозстрой оформить такой-то организации разрешение на вырубку такого-то количества деревьев и кустарников.

Чувствуете — «обязать», и все. Попробуй не оформи.

Так что каждый свой утвержденный отказ в отделе согласований проектов не зря считают победой. Впрочем, иные они одерживают малой кровью, если авторы проекта понимают, о чем речь, соглашаются на изменения, щадящие деревья и кусты. Таких, по словам Зинаиды Петровны, сейчас больше, чем прежде, но отнюдь не большинство.

Конечно, по-хорошему обо всем этом должны думать в Главмосархитектуре, прежде чем отводить площадку под строительство. Но там как-то не болит голова по таким поводам. А за тем, чтобы строители, войдя в раж, не рубили лишнего, обязаны следить в дэзах и РЭУ, ибо имеют бумаги, в которых сказано, что можно вырубить, что надо пересадить, а что оставить на месте и обнести защитным заборчиком. Но не следят, отмахиваются от надоедающих жителей, которые пытаются отстоять какую-нибудь березку: не до того! В столичных райисполко-

мах сейчас созданы отделы благоустройства. Вот если они будут предупреждать каждый взмах топора на вверенной им территории, положение может улучшиться. Хотя где взять оптимизма, чтобы утверждать, что так и случится? Пока, по-моему, негде...

Деревья, разумеется, у нас не только рубят, но и сажают. В прошлом году различные организации высадили 108 тысяч деревьев, свыше 1,1 миллиона кустарников. В былые времена цифры встречались повнушительнее. Но дело даже не в этом, а в том, что далеко не все посаженное вырастет и зазеленеет. В одних случаях просто схалтурили те, кто сажал (отчитываются ведь сразу, как присыплют ямку, а не тогда, когда дерево наберет силу). В других — саженцы погубят дворники, щедро рассыпающие зимой соль по тротуарам и дворам. Ведь соль — это хлориды, убивающие деревья, кусты, траву. Анализы, которые делают ученые, дают печальные результаты: в иных местах содержание вредных примесей в снеге и почве превышает норму в 5—7 раз! Как тут выжить не то что юным, а и солидным деревьям?

Есть у них и мощные моторизованные враги. Понаблюдайте, скажем, за роторными снегоуборочными машинами, которые двигаются вдоль газонов, выплевывая на десятки метров мощные струи снега, смешанного с грязью. Эти струи ломают ветки, сбивают почки с молодых деревьев. Убивают их.

Короче говоря, трудно выжить деревьям в Москве. И не столько потому, что в городе — это не в лесу, сколько из-за человеческого равнодушия и безнравственности. Конечно, домá надо строить, тепло и воду к ним подводить надо. Но что за радость жить в районе, где дерево станет экзотикой, редкостью? С чего мы решили, будто имеем большее право на эту землю, чем клен или липа, береза или рябина? Да и не выжить нам без них все равно.

Нам нужна не только другая нравственность в отношении «зеленого друга», для которого мы часто — враги. Нужны не простая реорганизация лесопаркового хозяйства, слияние или разъединение различных служб: все это уже было, сливали, разъединяли, делили и централизовывали ответственность. Необходим принципиально иной хозяйственный механизм, чтобы рубить дерево было экономически невыгодно и даже опасно, а посадить — выгодно и поощряемо. Живая природа должна быть в центре закона, а не где-то сбоку. Без всего этого мы не воспитаем элементарной экологической культуры, лозунги, ежедневно расходящиеся с делами, не сработают.

Ни один проект не должен рождаться втайне и как единственно возможный вариант. Только предварительное обсуждение его с москвичами, спокойное и объективное, только обстоятельные и честные экспертизы позволят избежать конфликтов, а главное — сохранить для столицы ее парки, скверы, бульвары, ее зеленые улицы и дворы.

И не надо бояться местного группового «эгоизма». В конце концов, почему бы нам всем не стать «эгоистами», бьющимися за каждое дерево в городе?

Почему бы Москве действительно не стать самой зеленой столицей в мире?

Раиса Орлова

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

Фазиль Искандер вошел в литературу улыбаясь и вызывая улыбку. И потому, наверно, что в его книгах — сокровищница юмора всех оттенков. И потому, что ему свойственны мягкие, соединяющие, примиряющие тона.

Радостью дышат рассказы из цикла «Дерево детства». Веселье излучают первые (по написанию) главы эпического повествования «Сандро из Чегема». И даже бюрократы, проводящие очередную идиотскую кампанию в ослепительной сатире «Созвездие козлотура» (1966), предстают скорее в комическом обличье.

Искандер родился в Абхазии в 1929 г. Там, в маленькой горной деревушке и в Сухуми прошло его детство, военное, голодное, но и счастливое. Мальчик был окружен любовью большой семьи.

Студент библиотечного института в Москве, репортер «Курской правды», журналист на родине, в Сухуми, и наконец — писатель в Москве.

Тональность прозы с годами менялась, розово-голубые краски темнели, ирония становилась мрачнее. Но не исчезло ощущение естественной легкости слова, не сочиненного, не прочитанного, а, скорее, услышанного, как слово из сказки, из песни.

Главная книга Искандера «Сандро из Чегема» растет, словно дерево: «...дерево не просто благородный замысел природы, но замысел, призванный намекнуть нам на желательную форму нашей души, то есть такую форму, которая позволяет, крепко держась за землю, смело подыматься к небесам».

Абхазец по имени Хабуг с женой, маленьким ребенком и одной козой, взятой в долг, нашел кусок плодородной земли в горах, построил дом, через двадцать лет у него уже было большое стадо, разрослась семья. Так возник Чегем.

Сандро, один из сыновей Хабуга, принадлежит всего лишь ко второму поколению чегемцев. Однако впечатление такое, будто длинный ряд предков уходит в далекое прошлое.

Давно пишется книга, все больше страниц, глав, все больше ветвей у дерева, они все неразрывнее сплетены одна с другой. Персонажи, едва мелькнувшие в одной главе, оказываются — годы спустя — центральными в других главах.

Взгляд Искандера на мир не только возник, но и на всю жизнь определился законами, царившими в абхазской деревушке. Там он усвоил и основные представления о добре и зле.

Раиса Орлова — писатель, критик, специалист по американской литературе. Ее работы публиковались в журналах «Новый мир», «Иностранная литература» и др., выходили отдельными изданиями. С 1980 года живет в ФРГ.

Очерк о Фазиле Искандере печатается по книге Р. Орловой «Письма из Кельна о книгах из Москвы» — с согласия автора и издательства «Blue Horns Publishing-House Bernd E. Scholz».

Он сам пишет о «канве замысла» так: «История рода, история села Чегем, история Абхазии и весь остальной мир, как он видится с чегемских высот».

Мир этот — Большой дом, где жили «умно и сложно»,— светлый. Конечно, и там были разочарования, горести, зло, предательство, смерть, как не быть, но свет побеждал. Во всяком случае, побеждал в благодарной памяти.

В позднем рассказе «Большой день Большого дома» автор вспоминает, что мама «старалась всеми средствами род наш удержать в теплой роевой связи. А удерживать становилось все труднее».

Удержать род — это становится частью писательского дела Фазиля Искандера.

Читаешь «Сандро из Чегема», и возникает потребность чертить схемы: кто на ком был женат, как звали детей. Современная книга для меня звучит почти по-библейски: Хабуг родил Кязыма и Махаза, Нури и Навея, Каму и Сандро... Кязым родил Зиночку, Ремзика и Гулика, Махаз родил Фирузу, Маяну и Хикур... Кама родила Зенона...

Кому может прийти в голову рисовать схемы трифоновских семей, когда они, гонимые ветрами, в большинстве своем распадаются, обрываются — из-за ареста ли, из-за войны ли, просто из-за отчуждения. Не остается ни связей, ни бумаг (в первой же главе романа «Время и место» сообщается, что бумаги сожгли в 37—38-м гг. на примусах и керосинках). При постоянном тяготении Трифонова к истории ему историю рода восстановить несравненно труднее, чем Искандеру,— ведь тут и нам, читателям, почему-то важно, кому приходится племянником Кемальчик или как зовут младшего сына Кязыма.

Искандеровские фразы летят, танцуют, прыгают, они словно удовлетворяют тому главному требованию, которое чегемцы предъявляют к женщине: прыгучесть. Эти словесные пиры как бы и созданы в легком похмелье, непринужденно, на грани сна и яви.

Но усиливается прямо противоположная тенденция: «...и нет уже мамы, ничего... машинка моя, как безумный дятел, долбит дерево отечественной словесности, и я, поджав ноги и сгорбившись над столом, вышибаю из клавиш одно и то же слово, твое слово, мама: долг, долг, долг...»

Перепад силен, и он дает творчеству его глубину, размах.

Сандро — тамада, главный дирижер кавказского застолья, а застолье сопровождает рождение ребенка, свадьбу, окончание школы, института, похороны — весь круг жизни.

История в этот круг приходит по Верхнечегемской дороге — как однажды пришел молодой Сталин — и несет лишь беды. История — всегда вторжение чужого, чаще враждебного.

Чегем, конечно, дальше от моей жизни, чем трифоновская Москва. Некоторые черты старой Абхазии я еще застала в Сухуми. Однако обжитость Чегема, словно бы незыблемость, круговорот разумного сельского труда помогает и читателям поверить, что наше существование в трагедийном мире наделено неким смыслом.

Движения внутри устойчивого чегемского мира непрерывны и несуетны. Искандер запечатлевает эти движения в том ритме, в котором они происходят, запечатлевает их так, что читатели словно не читают книгу, а смотрят фильм.

Молодой Сандро, взобравшись на дерево, разглядывает в бинокль обнаженных красоток, вбегающих под ледяной душ водопада.

Бригадир Кязым поднимает тяжелую колоду — подошло время собирать мед.

Юноша с девушкой на высоком дереве рвут инжир, отвлекая бдительную тетушку-дуэнью тем, что бросают ей вниз спелые плоды.

Маленького мальчика сестренки катают на коврике, все заливаются смехом. Каждое движение любовно описывается, они перечисляются с той же точностью, с какой Гомер рисует щит Ахилла.

Все важно, все равноправно.

А время застыло при том, что сквозь историю Чегема естественно проступают и основные периоды советской истории: гражданская война, коллективизация, раскулачивание, аресты и высылки, а потом оттепель, заморозки...

«В каком году я живу, я никогда не знаю...» — признался автор однажды,— «...время неизменно рассматривается, вернее, ощущается, как стихия текучая, мы можем в нем, как в потоке, стоять и ждать — то ли поток усилится и покроет нас с головой, то ли вдруг исчезнет под подошвами ног».

* * *

Глава «Умыкание, или Загадка эндурцев» в хронологии повествования о Сандро где-то в начале — влюбленный юноша женится. Происходит это так: Сандро помогает бывшему князю Аслану, который готовится по абхазскому обычаю умыкнуть невесту. Но во время подготовки к свадьбе Сандро сам влюбляется в невесту друга, она отвечает ему взаимностью.

Прямо об этом сказать не позволяет кодекс: дружба выше любви. Надо что-то придумывать.

Третий приятель, исполнитель «черновой, но почетной работы умыкания», приволок по ошибке не ту девушку. Однако, по обычаям, раз ее умыкнули, то кто-то должен жениться на ней, иначе ей нанесено смертельное оскорбление.

Недоразумение почти водевильно и легко разрешается: Сандро сообщает Аслану печальный «секрет» (только что им изобретенный): «У твоей невесты бабушка — эндурка». Слово это не имеет смысла, выдумано Искандером, непереводимо. Обозначает — это становится ясно позже — «другой», «чужой», «чуждый», «враждебный».

Аслан в отчаянии: он, князь, и так «снисходит» до простой девушки, дважды мезальянса ему семья не простит. Сандро согласен принести себя в «жертву», согласен жениться на полуэндурке. Аслан женится на той, что умыкнули по ошибке. Играются сразу две свадьбы.

Так пересказать эту главу можно, но книги Искандера противятся любому дайджесту. Их не надо опрокидывать залпом, их, как хорошее кавказское вино, надо смаковать.

Прочитаем медленно: трое молодых людей стояли у каштана, в воздухе царил кисловатый дух. «Всем троим этот кисловатый дух напоминал запах вина «изабелла» на наших осенних пиршествах, что нам кажется вполне правдоподобным». Первая же фраза настраивает читателей на веселье, на радость.

Возникает вопрос: чьих «наших», кому «нам»? Голос автора пронизывает книгу с начала до конца. Автор вмешивается, поясняет, подготавливает, рассуждает, участвует в действии. И в этом сказывается фольклорная природа его творчества.

Автор представляет трех персонажей так, словно стоит рядом с читателями, оспаривает, например, не произнесенную (или не услышанную нами) реплику: «Ошибаетесь, в белой не дядя Сандро, у него вообще никогда не было черкески...»

Нам предстоит услышать очередную историю из жизни знаменитого тамады. Большой дом, трещит огонь, члены клана возвращаются после трудного дня: кто пас коз, кто шел за плугом, кто обрабатывал виноградник. Женщины варят в большом котле похлебку, жарят кукурузу. Дядя Сандро рассказывает и старые, уже много раз слышанные истории, уснащая их новыми подробностями, и новые. Между рассказчиком и слушателями зазора нет.

Однако уже на второй странице этой главы у дяди Сандро на лице «запечатлено выражение гамлетизма». Двумя страницами дальше, изображая женскую красоту, автор намекает на Фрейда, и еще далее: «...в голове у девушки возникло то состояние, которое Стендаль назвал благоприятным для кристаллиза-

ции чувств». Гамлет, Фрейд, Стендаль — это уже за пределами абхазской деревушки, это мир, где учился, где созревал писатель Искандер.

Два взгляда тесно сплетены — история, нравы, обычаи маленького народа и другой мир: Москвы, России, мировой культуры. Рассказ уже, собственно, позади, когда «мы» рассказчика («мы — Чегем») сменяется обнаженным «я». «Я о ней (женитьбе Сандро) услышал в такой же ласковый, осенний день, правда, лет пятьдесят спустя...»

Сандро смотрит в бинокль на купающихся девушек. И сам автор тоже словно смотрит в некий бинокль, меняет линзы, перед нами то события давние, то они к нам приближаются; то общий, то крупные планы.

В историю умыкания читатели вовлекаются непосредственно: наблюдают, ждут, удивляются, сердятся, радуются, облегченно вздыхают. А в последней трети главы читателям предстоит не смотреть на действие, а размышлять вместе с автором.

В самом заглавии «Умыкание, или Загадка эндурцев» обозначены два мотива, две темы. Сначала мотив «бабушка-эндурка» решает неожиданный поворот сюжета, давая исход «любовному безумию» Сандро. Далее эта тема уменьшается, исчезает — как в фольклоре: свадьба сыграна — сказке конец,— выплывая в самом конце. Автор знакомится с двумя старыми людьми, и только воображение позволяет ему увидеть того влюбленного юношу в величественном старце, а в его жене — красотку с ямочками на щеках.

(«До встречи с этой девушкой дядя Сандро вообще не придавал значения всем этим ямочкам, луночкам, вороночкам, всем этим маленьким капканчикам женской природы.

Может быть, он даже их не замечал. Вообще в те времена в наших краях в женской красоте больше всего ценилась бровастость, глазастость и длиннокосость. Во всяком случае, в эстетическом меню тех лет, отраженном в песнях, сказаниях и легендах, такого блюда, как «ямочки на щеках», не указывалось».)

Традиционным счастливым концом — свадьбой — рассказ не кончается. А тема эндурцев, эндурства, вначале брошенная мимоходом, разрастается, разветвляется, но отнюдь не разрешается.

«Загадка эндурцев» остается загадкой и на последней странице. Мы узнаем, как творится, как укрепляется миф об эндурцах — «чужих». Как неустанно, обогащаясь всё новыми подробностями, ткется психологический облик эндурцев: они умны, хитры, коварны, заманивают простодушных чегемцев в ловушки. Они упрямы, у них отсутствует чувство юмора (для Искандера — это один из страшных пороков).

Как они попали в Абхазию? Существует несколько версий:

— Спустились на парашютах...

— Самозародились из древесной плесени где-то между Грузией и Абхазией...

— Турки подвезли их ночью на фелюгах к берегам Абхазии...

Передавая дальше, каждый избирает вариант по своему вкусу и добавляет от себя.

Рассказчик, воспитанник современной цивилизации, относится ко всем этим байкам недоверчиво. Дядя Сандро предлагает молодому журналисту проделать простой опыт: пройтись по кабинетам Дома правительства и самому сосчитать, сколько эндурцев там сидит.

Казалось, что может быть убедительнее цифр? Но ведь и цифры зависят от того, кто и как считает. Журналист-рассказчик, начав подсчитывать, сбивается, попадает под воздействие «мистики эндурства» и никакого вразумительного ответа не приносит. Пари он проиграл — эндурцев много,— или ему так кажется? Как бы то ни было, это он должен выставить угощение дяде Сандро...

На Кавказе десятилетиями спорят и о том, какой народ жил в древности на берегах Черного моря. Уступить пальму первенства древним грекам согласны едва ли не все, но никто не хочет уступить ее соседям. Так кто-то же там жил — предки грузин или предки абхазцев? Абхазские лингвисты обнаружили несомненное доказательство в свою пользу: «солнце закатывалось» в буквальном переводе с абхазского «солнце опускалось в чашу».

В рассказе Искандера «Чегемская Кармен»: «...если наши предки жили на Северном Кавказе, почему мы про закат говорим: солнце приводнилось, окунулось, занырнуло за горизонт? Разве из этого неясно, что наши праотцы, создавшие наш язык, жили у моря и всегда видели, как солнце в него заходит?» Но для сторонников иной точки зрения и этот довод недействителен.

Искандер смеется над любыми попытками «научно» обосновать национальные предрассудки, но и иронизирует и над попытками обосновать их ложность. Заключает же всерьез: «Люди стремятся друг к другу, видимо, по признаку душевной близости, где нету разницы в нациях, в профессиях, даже на уровне благосостояния. А когда у людей нет душевной общности, они объединяются по национально-видовому признаку, как стая, и опасны, как стая».

Не иллюзии ли это?

И да и нет. Ведь «связи по признаку душевной близости» — реальность. Сколько примеров подлинной дружбы между немцами и русскими видела я за годы, проведенные в Германии! Когда люди соединялись именно по признаку душевной близости. Вот один пример: творчество талантливого московского скульптора Вадима Сидура стало известно в Западной Германии прежде всего благодаря неустанным усилиям профессора славистики, искусствоведа Карла Аймермахера. Сейчас в Мюнхене, в Касселе, в Бохуме, в Дюссельдорфе, в Западном Берлине установлены большие скульптуры Сидура. Аймермахер написал книгу о творчестве Сидура.

В июне 1986 года Сидур, не дожив до 62 лет, скончался. Потому я позволяю себе немного сказать об этой едва ли не беспримерной дружбе.

Она никоим образом не была меценатским покровительством одного другому. Они писали друг другу, встречались в Москве, спорили, убеждали друг друга. Как и в любых близких отношениях, они, делясь важным, еще и подолгу просто болтали.

Нет, они отнюдь не «убивали время», они проводили его, на посторонний взгляд, быть может, и бесполезно, а на самом деле так создавалась ткань дружбы, основа любых человеческих отношений.

Они сами неизменно обогащались. Но их дружба вселяла надежды и в тех, кто находился от них далеко... *

У Сидура в Германии было и осталось много друзей, много поклонников его таланта. Но его дружбу с Аймермахером — по наполненности, по верности, по красоте, единственной в своем роде, можно сравнить с античными образцами.

Бескорыстные узы, связывающие людей разных наций, такие, казалось бы, эфемерные,— это, быть может, единственное, что противостоит злому безумию, готовому поглотить мир.

Национальные предрассудки не только не уменьшаются с развитием цивилизации, но на пороге XXI века они явно крепнут. И на человека, который в их плену — а многие ли сегодня вне этого плена? — факты влияют редко.

Сколько ни доказывай армянскому националисту, что и грузины — народ христианский, он будет в ответ твердить, что грузины ничего не знали, кроме войн, вина и женщин. Сколько ни приводи доводов о древней культуре абхазского народа, грузинские националисты любого уровня образованности будут продолжать свое: «дикари, спустились с гор». Сколько ни сообщай цифр, свидетельствующих о дискриминации евреев в СССР (и в любой другой стране), антисемиты не оставят своих неизменных мотивов: «евреи всюду пролезают». Сколько ни говори о трагедии крымских татар, русские шовинисты готовы припомнить даже татарское иго, чтобы оправдать новые несправедливости.

Рассказ Искандера, казалось бы, такой локальный — маленькая Абхазия, древний обычай умыкания, озорные проделки дяди Сандро, свадьба, шутки, ирония, но сквозь это просвечивают второй, третий планы. На повествование ложится отблеск событий жгуче современных, всемирных. Сикхи убивают Индиру Ганди... Ирландцы и англичане стреляют друг в друга... Юноши Ирака и Ирана ведут нескончаемую войну... Несчастный Ливан — арена непрерывных национальных схваток...

И все эти большие и малые битвы требуют идеологической подготовки, и везде можно едва ли не прямо наложить модель, предложенную Искандером: плетутся выдумки о хитрых эндурцах (их зовут «ан-

* На первой выставке, открывшейся в мае 87-го года в Москве (Сидура уже не было), выступал и Аймермахер.

гличане», «палестинцы», «арабы», «израильтяне», «русские», «немцы» — в зависимости от места действия), которые высаживаются на чужой территории и захватывают власть.

Первоначальная настройка читательского сознания на веселый лад оказалась ложной: мифы об «эндурстве», где бы они ни создавались, куда как серьезны и даже кровавы.

«Вот так начинаешь во здравие, а кончаешь за упокой... — признается автор и спрашивает: — Что смолкнул веселия глас? Русь, дай ответ! Не дает ответа. Дядя Сандро, дай ответ. Иногда дает».

Это уже не Чегем, это русская классика.

Многие оттенки искандеровского юмора рассчитаны на немедленный отклик, когда с лета расшифровывается многозначность слова, когда понимают, не нуждаясь в комментариях, когда сами слушатели добавляют многочисленные примеры абсурда в повседневной жизни.

Но эти же качества затрудняют восприятие этого замечательного писателя иноязычными читателями. Впрочем, не всегда. Рецензия на американское издание «Сандро» была озаглавлена «Марк Твен из Чегема»... Это не преувеличение.

Как смеялись у нас на кухне, читая книги Фазиля Искандера, как спешили поделиться радостью с теми, кто еще не прочитал! В начале 70-х годов Искандер выступал в переполненном зале новосибирского Академгородка. Хотя я уже многое знала едва ли не наизусть, хохотала я так, словно слышу впервые. Несколько сотен смеющихся юношей и девушек создавали удивительный резонанс.

Привожу отрывки из письма молодой слушательницы:

«...Пишу после вечера Искандера в ВИНИТИ. Читал он «Умыкание, или Загадка эндурцев»... я получила громадное удовольствие, не только моральное — больное горло прошло. Смеялись все и очень хорошо и понимающе, по-моему...

После перерыва началось обсуждение. Сначала речь шла о «нагрузках», чего-то много, надо сократить, выбросить.

Потом раздался голос молодого человека, тот, как его ни упрашивали, не назвал своей фамилии: «я просто голос из народа».

Далее этот голос заявил: «С прямотой, свойственной молодости (смех), должен сказать, что я причисляю Фазиля Искандера к тройке лучших современных писателей: Битов, Трифонов и он». Далее с той же прямотой он сказал, что предыдущие вещи понравились больше. Потом некая дама пропела Искандеру дифирамб, назвав эндурцев габровцами, следующая спутала их с уйгурами. Другой оратор назвал абхазский лес осетинским... За ним некий мужчина с вызовом заявил, что его родной осетинский лес спутали с грузинским, что вообще его обидели, ранние произведения автору удавались лучше.

...Все веселились, пока разговор не перешел на эндурцев и национальные предрассудки. Тут выступления были умнее и довольно-таки мрачные. Одна дама в заключение спросила, нет ли у автора эндурской крови; из зала поинтересовались, по какой линии. Он очень смеялся, но не ответил.

...Грузия — Абхазия, это далеко, а мы на родине имеем все это в избытке. Милая женщина, выйдя говорить и поймав вопросительный взгляд ведущего, с улыбкой: «Моя фамилия Раппопорт, я от эндурства». Зал громко смеялся.

Одна из выступающих сказала: «Национальные гонения — это ужасно, но когда они описаны с таким юмором, то уже и не так страшно...» Я думаю, что термин «эндурство» прочно войдет в лексикон... Читал Искандер прекрасно... Настроение поднялось настолько, что пишу, не откладывая...»

В одной из глав автор рассказывает, что чегемцы не могут понять русских, не могут, в частности, понять, почему Ленина не похоронили, а выставили в особом помещении — Мавзолее — напоказ. По господствующим обычаям, и не только в Абхазии,— не предать земле тело умершего — грех, преступление. Тем более тело Ленина, человека, который, по определению чегемцев, «хотел хорошего, но не успел».

Когда же, после XXII съезда, в 1961 году гроб с телом Сталина вынесли из Мавзолея, чегемцы продолжали удивляться: все надо бы наоборот, говорили они, «большеусого» оставить, а тело Ленина наконец-то похоронить.

Реакция чегемцев — не просто местный обычай, дань патриархальному прошлому. Ведь хоронить и впрямь нормальнее, чем выставлять под стеклом.

В Абхазии есть несколько деревень, где живут негры,— потомки тех, кого негус Эфиопии подарил Екатерине Второй.

Разнесся слух, что в Абхазию приезжает знаменитый певец Рой Ройсон — нетрудно было угадать прототип — Поля Робсона, который в 40—50-х годах часто бывал в СССР. Ясно, что высокого гостя повезут в негритянскую деревню. Чтобы создать впечатление богатства, одному из бригадиров в ожидании визита дают машину «Волга».

Ройсон в Абхазию почему-то не заезжает. Председатель колхоза, возмущенный тем, что его подчиненный просто так гоняет на «Волге», требует вернуть машину. Но бригадир заупрямился, он и не думает отдавать, ведь ему никаких условий не ставили.

Народный здравый смысл использует идиотизм руководителей. Комизм ситуации универсален.

* * *

Человек в Чегеме жил среди животных и растений.

В главе «Мул старого Хабуга» вся советская история изображена сквозь восприятие мула. А в рассказе «Широколобый» (1983) повествуется о судьбе буйвола. Он пасется в той самой котловине Сабида, где происходит действие многих глав. Буйвол Широколобый любит твердую землю, как и старый мул.

Очеловеченное животное — одна из традиций русской классики. Напомню «Холстомера» Льва Толстого или «Каштанку» Чехова. Но буйвола, кажется, еще не было.

Сюжетный зачин словно из так называемого «производственного» романа: колхозу надо сдать план по мясопоставкам, буйвол «тонну потянет», решили сдать Широколобого, и стадо будет спасено.

Его везут на бойню, он вспоминает свою жизнь.

...Силен, как буйвол... Упрям, как буйвол... Туп, как буйвол...

Рассказ Искандера противостоит расхожим клише. Широколобый силен, но он нисколько не туп, он умен, нежен, раним, он любит осмысленный труд. Больше всего любит он пахать. «Это ровное и легкое выворачивание жирной земли — оно так сладило душу, потому что ему, буйволу, передавалось состояние пахаря. А человек, идущий за плугом, всегда чувствовал, что он делает правильное, главное дело жизни. Он отворачивает пласт земли, как отворачивает одеяло, чтобы положить под него малютку-зерно. Широколобый чувствовал, что пахарь, выворачивая землю пласт за пластом, ласкает и ласкает ее острием лемеха, готовит ее к приятию семени, и сам причастен к великой тайне ее будущей беременности... Широколобый думал, что грешно оплодотворять землю, не притрагиваясь к ней. Хороший чегемский крестьянин всегда пахал босиком».

Так радостно, эротично и по-матерински утверждается главное в жизни Широколобого — любовь.

«Любовь промыла глаза», снова вразрез обычному «ослепление любовью». Любовь и стремление к свободе. Свобода — «это когда в жаркий, летний день много воды».

Его привозят на бойню, ставят на весы, а он, вняв инстинкту свободы, ломает стены бойни, бросается в море и плывет. «Кругом была свобода, и внутри Широколобого была свобода, и от этого ему было хорошо, хорошо».

Тупую силу олицетворяет не буйвол, а те руководители, которые требуют сдавать мясо, не считаясь с реальностью; тупая сила — и милицейский катер, шум его уже слышен, катер вышел, чтобы убить непокорного.

Буйвола надо занести в Красную книгу, его надо спасать, как все исчезающее на земле. Эта истина современной экологии в рассказе убеждает и потому, что предстает как особенный, ни на кого не похожий характер. Читатели успели узнать этого буйвола и полюбить его. И его неминуемая гибель страшна.

Но трагедия — не искандеровская стихия. Последние слова рассказа: «...все, все утопало в примиряющем свете закатного солнца».

Примиряющий — в этой тональности написан рассказ. Убийство произойдет «за кадром», когда мы уже закроем книгу.

* * *

«...Если мне есть, что сказать, мне нечего бояться простоты. Пиши просто, проще, еще проще, совсем просто — и тогда тебе самому будет ясно действительно тебе есть что сказать или это игра в бисер...»

Искандера к «деревенской прозе» не причисляли, отчасти — напрасно. Мотив «кончилось крестьянское дело» проходит и через его книги.

Искандер тоже ищет твердых ценностей: «Современный человек чувствует неустойчивость всего, что делается вокруг него. У него такое ощущение, что все должно рухнуть, и все почему-то держится».

И в другом месте: «С годами я понял, что такая хрупкая вещь, как человеческая жизнь, может иметь достойный смысл, только сблизившись с чем-то безусловно прочным, не зависящим ни от каких случайностей».

Это ощущение неустойчивости писатель называет «комплексом Пизанской башни».

Но в отличие от других «деревенщиков», за исключением разве что Бориса Можаева, Искандер смеется надо всем, в том числе и над родной деревней, и над самим собой.

Он справедливо говорит о себе, что не может быть карающим органом, даже и в чисто литературном смысле слова. Вернее, само его отношение к сатире совершенно необычно: «...предметы сатирического изображения представлены как бы в фантастическом мире духовной обузданности и пребывают в полном бессилии. Или, если быть ближе к моему типу сатиры, они как бы вместе со мной хохочут над собой, приговаривая: «Ты бы раньше сказал, и мы бы раньше вместе с тобой посмеялись бы!»

Можно ли представить себе, чтобы нечто подобное подумал Свифт про йеху или Салтыков-Щедрин про градоначальников? Впрочем, переходя из фантастического мира в реальный, и Фазиль Искандер замечает: «...после появления «Созвездия Козлотура» прообразы моей сатиры почему-то не стали смеяться со мной, а, наоборот, дружно выступили против меня».

Зло в искандеровском мире воплощено в пустых, вредных людях, которых он называет «присматривающими в чесучовых костюмах». На вершине этого антимира — Сталин.

Выступает зло и в старом, патриархальном обличье. Пастух Махаз, брат Сандро, вершит кровную месть, убивает пожилого родственника, который поочередно переспал с двумя дочерями Махаза. Но и в этом реальном убийстве есть комический аспект: ведь не было ничего похожего на изнасилование, девицы и сами разделяли постельные радости...

Пестрота, яркость, богатство народных характеров неисчерпаемы. Бригадир Кязым, опять же брат Сандро, неграмотен, но именно он раскрывает тайну ограбления колхозного сейфа. Раскрывает напряженным усилием мысли, глубоким и тонким пониманием органики человеческих поступков, удивительным здравым смыслом.

Для чегемца, пожалуй, еще страшнее, чем остракизм, чем месть, оказаться смешным в глазах земляков. Тут писатель резко идет против течения. Он обнаруживает в своих персонажах, в том числе и любимых, в том же Кязыме, много смешного, например его тщеславие.

Народ — «это единственное море, куда мы можем бросить бутылку с запиской о нашей жизни, и она, рано или поздно, дойдет до адресата. Другого моря у нас не было, нет и не будет».

«Записки», которые в последние годы бросает в это море Фазиль Искандер, все меньше окрашены карнавальным весельем, все больше проникнуты горечью утрат.

* * *

Молодая приятельница спросила меня, какие книги я перечитываю, когда мне особенно худо, какие книги могут лечить душевные раны.

— Прежде всего — стихи. Пушкин, Блок, Ахматова. Неизменно — «Война и мир». «Мастер и Маргарита». Паустовский. Фазиль Искандер.

Теперь спрашиваю себя — почему?

Тропка к ответу: в мире все нарастают гремящие, скрежещущие грохот, свист, вой — звуки конца. Словно трубы Страшного суда приближаются. А иной раз, сквозь все это, с трудом пробиваются иные звуки. «Надежды маленький оркестрик» (Булат Окуджава). Звуки тихие, робкие. И — не заглушимые... Их постоянно ищу, пытаюсь уловить.

Неожиданную радость принесла такая история.

Немецкая поэтесса Улла Хан награждена медалью имени Розвиты фон Гандерсхайм. Принимая медаль, она сказала:

«Я получила сообщение об этой награде, когда писала статью об Ирине Ратушинской. Это первая женщина, которая за «антисоветскую агитацию и пропаганду» приговорена к самому суровому наказанию — семь лет строгих лагерей и пять лет ссылки *.

...Моя коллега в смертельной опасности, а меня увенчивают лаврами...»

Улла Хан поэтически рассказывает о том, как она стала поэтом, вспоминает старый материнский молитвенник, старые песни, стихи классиков, которые она учила в школе:

«...Все это пробудило нарастающее стремление к чему-то, что выше меня, выше любого человека, выше человеческих возможностей.

Поэтому я и сегодня мечтаю о том, чего нет, о той, быть которой я не могу... потому что должно же существовать нечто большее и лучшее, чем мы... Потому я и пишу. Не из стремления закрыть глаза на действительность, убежать: нет... я охвачена той тоской, той тягой, которые рождены именно неудовлетворительностью этой действительностью...

Мне кажется, что Ирина Ратушинская стремится к тому же, к чему стремится каждый, кто пишет. Я перевела стихотворение Ратушинской с помощью одного из самых значительных польских поэтов Виктора Ворошильского».

* В настоящее время И. Ратушинская живет в Англии.

Разговор Уллы Хан и Виктора Ворошильского возник с трудом, она была в Варшаве гостем официального Союза писателей, а не того запрещенного, к которому принадлежит Ворошильский.

«Благодаря Ратушинской, этой женщине, которая так далеко, был сломан лед между мною и Ворошильским...»

Виктор Ворошильский — наш старый друг, мы были на защите его диссертации о Маяковском в московском Литературном институте весной 56-го года, потом я была у него в Варшаве. Мы читали его репортажи о восстании в Венгрии, мы читали его книги о Маяковском, о Салтыкове-Щедрине, его стихи. Мы встречались и на Западе.

Как радостно, что Ворошильский не поддался такому понятному чувству: «...эта немецкая поэтесса — гостья моих противников, о чем мне с нею говорить?» Польский и немецкий поэты нашли общий язык, переводя стихотворение русского поэта. Возникла ниточка связи.

Казалось бы, как тонки эти нити, и танков вовсе не требуется, чтобы их оборвать. Но они-то — снова и снова повторяю я — они-то и оказываются прочными, выдерживают давление века. Они, часто возникающие на воздушных путях, и противостоят всемирному безумию.

В книгах Фазиля Искандера нахожу тоску по простым связям между людьми, нахожу то, что объединяет. Радуюсь тому, что и в жизни и в литературе эти связи встречаются. Уверена, что это облегчает жизнь не только мне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 7. Конторка. 8. Московка. 11. Бекас. 12. Дебри. 13. Ликование. 16. Кастор. 17. Визит. 18. «Пророк». 21. Творог. 22. Ствири. 23. «Динамо». 24. Клиент. 29. «Музыка». 30. Вазон. 31. Пассат. 35. Бомоканди. 37. «Леший». 38. «Вилка». 39. Болотова. 40. Богатырь.

По вертикали. 1. Гомеопат. 2. «Страх». 3. Акация. 4. Москит. 5. «Ровер». 6. Скорпион. 9. Ежовик. 10. Трахит. 14. «Порожняки». 15. Архипелаг. 19. «Норма». 20. Отель. 25. Кузнецов. 26. Забота. 27. Монако. 28. Каракурт. 32. «Вольво». 33. Адамов. 34. Пироп. 36. Пинта.

Фото И. Гневышева

Пентаптих сделан в стиле Джузеппе Арчимбольдо, итальянского художника XVI века, работавшего в Праге. Прага была в то время мировым центром художественного направления маньеризм, который культивировал все необычное. В пражском университете, где учился Фауст, преподавалась даже черная магия. Арчимбольдо был создан ряд картин-аллегорий, представляющих из себя головы персонажей, составленные из символических предметов. Это аллегории стихий («Огонь», «Вода», «Земля», «Воздух») или аллегории времен года. Искусствоведы считают, что истоки этого стиля уходят в еще большую древность и Арчимбольдо заимствовал его у древнеиндийских тантрических рисунков, которые точно так же изображали своих богов. Это был век первого проникновения на Запад восточной культуры. Я же использовал этот древнейший стиль живописи для современной, даже злободневной темы политического гротеска. Революция продолжается, а стиль живописи — замыкается. Даже в самом древнем я пытаюсь найти современное.

Михаил Николаевич Ромадин, окончив художественный факультет ВГИКа, участвовал как художник в создании кинофильмов «Первый учитель», «Дворянское гнездо», «Солярис», «История Аси Клячиной». Оформил несколько спектаклей, самые заметные из которых «Теркин на том свете» (Театр сатиры) и балет «Спартак» (Новосибирский театр оперы и балета). Проиллюстрировал более 100 книг.

В последнее время он занимается исключительно станковым рисунком и живописью. Свои работы Ромадин показывает часто, его привлекает идея передвижников о мобильности выставок. Только за прошлый год его выставка в Москве переезжала четырежды: из районного зала на Мичуринском проспекте в Центральный Дом художника, оттуда в клуб Северного Чертанова, затем в Дом кино; побывала она и в Киеве. А уже в этом году с творчеством Ромадина познакомились жители г. Калинина. Выставлялся художник и за рубежом: в Индии, США, Польше, ГДР...